

ДАН
ХИИЛ
ХАРМС
ХАРМС
МС

Р
ОЗ
А

ДАНИИЛ ХАРМС

ПРОЗА

ДАНИИЛ
Х
А
ХАРМ
А
С
РМС
М
С
ПРОЗА

Скан&OCR [ЗаНЗубар](#)
Релиз группы:
сайт [rutracker.org](#)

12 июня 2012

АГЕНТСТВО «ЛИРА»
ЛЕНИНГРАД
ТАЛЛИНН
1990

“ПРАВДИВЫЙ ПИСАТЕЛЬ АБСУРДА”

Даниил Хармс — своеобразнейшее явление русской литературы. В его творчестве соединились в живое целое, казалось бы, несоединимые сферы деятельного сознания — Чуть и Вера, народная смеховая культура и образы религиозной фантазии. Такой оригинальный сплав редок даже для выдавшего виды XX века.

Хармс резко отвернулся от тотальной идеологии 20—30-х годов с ее самодовольным рационализмом, вульгарными представлениями о социальном прогрессе и всеобщей гармонии и сотворил свой причудливый художественный мир — мир алогичный, перевернутый, “изнаночный”. Именно в глубине алогизмов и нарочитой бессмыслицы этого мира порой ярко вспыхивает огонь истины и опалает внимательных читателей, не скованных эстетическими догмами и чутких к парадоксам общественной жизни и загадкам человеческой психологии.

Даниил Иванович Ювачев (настоящая фамилия писателя) родился 17(30) декабря 1905 года в Петербурге.

Его мать — Надежда Ивановна Колубакина, по образованию педагог, — была начальницей “убежища для женщин”, вышедших из тюрьмы. В убежище они получали начальное образование. Мать имела казенную квартиру при убежище. Здесь она прожила с сыном свыше десяти лет.

Отец будущего писателя — Иван Павлович Ювачев — был весьма примечательной личностью. Ее сформировали две могучие силы — революционное движение народников и (позднее) русская христианская церковь, ее идеи, ее проповедники начала XX века. Воздействие было противоречивым и мощным.

Иван Ювачев, сын дворцового полотера, окончил техническое училище морского ведомства в Кронштадте. Он стал деятельным участником кружка молодых офицеров, сочувствовавших революционному движению, вел шифрованную переписку с его членами, обсуждал план по созданию запаса боевого оружия. В 1883 году Ювачев был арестован.

В тюремной камере в мировоззрении моряка-народовольца произошел перелом. Атеизм улетучился, с большой силой пробудилась христианская вера.

Из Шлиссельбургской крепости его перевели на сахалинскую каторгу.

“Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный“, — писал Антон Чехов, посетивший остров-тюрьму как раз о то время, когда на нем отбывал свой срок Ювачев. О мичмане-каторжанине, “замечательно трудолюбивом и добром человеке“, писатель упомянул в очерке “Остров Сахалин“.

В 1895 году Ювачева освободили, и в 1899 году он возвратился в Петербург.

С 1900 года Ювачев становится сотрудником журналов “Русский паломник“ и “Исторический вестник“. В последнем под красноречивым псевдонимом Миролюбов бывший завоеватель свободы насильственным путем рассказал о своих трудах и днях на острове-тюрьме. Эта горькая документальная повесть, как и чеховские записки, содержит массу историко-этнографических сведений о жизни русских (да и нивхов) на Сахалине. Затем он долгие годы сотрудничал в журнале “Отдых христианина“. Этот человек точных знаний, бывший заключенный и ссыльнокаторжный, прошедший суровую жизненную школу, верил безоглядно, как дитя, в чудеса, рассказанные в Библии. Их он избирал в качестве тем для душевспасительных бесед с читателями “Отдыха христианина“ и, надо думать, со своим сыном.

Влияние отца на сына, по-видимому, с годами возрастало. У сына тоже были периоды борьбы и тюрьмы. И вот когда он познал тюрьму, столкнулся со злом в его многоликости, он стал сближаться с отцом.

Они жили в одной квартире на улице Надеждинской (ныне Маяковского), 11. У каждого своя комната, свой быт, свои знакомые и интересы. Эти два человека, несмотря на родство, могли показаться непохожими. Один — воплощение рассудительности, порядка. Другой — любитель эксцентричных выходок, выдумок, творец алогизмов. Но христианская вера была основой, на которой росли порядок одного и абсурд другого.

И все же полного понимания между отцом и сыном не было. Сближение между ними было процессом длительным и достаточно иррациональным.

Отец хотел, чтобы сын знал иностранные языки, полюбил естественные науки. В 1915 году Даня Ювачев поступил в реальное училище, входившее в состав Главного немецкого училища св. Петра в Петрограде — Петершуле. Когда-то училище, основанное еще в XVIII веке посещали дети лютеран — петербургских немцев, шведов, голландцев. Преподавание всех предметов велось исключительно на немецком языке. Но с начала первой мировой войны порядки в Петершуле сильно изменились. Оно стремительно русифицировалось, дисциплина упала.

Благодаря Петершуле (и домашним учителям) Даня Ювачев овладел немецким и английским языками. Знатоки утверждали, что по-немецки он говорил с безукоризненным берлинским произношением. В архиве Хармса в Ленинграде (в Государственной Публичной библиотеке) хранится тетрадь с переписанными по-английски стихами Блейка, Киплинга, Кэрролла, Милна.

Из Петершуле Даня Ювачев перешел во 2-ю советскую единую трудовую школу в Детском Селе (бывшая Марининская женская гимназия, где училась Анна Ахматова).

Директором бывшей гимназии, а затем “трудовой школы“, была родная тетя Дани Ювачева по матери — Наталья Ивановна Колобакина.

“Это была во всех отношениях выдающаяся женщина, — вспоминала ее ученица Н. Зегжда, — умная, энергичная, и ее убрали с этого поста (директора школы. — А.А.), когда Горсовету показалось ее руководство школой слишком буржуазным. Я уже окончила тогда школу, но мы — прежние ее ученики — собрались в парке и хотели писать протест в ее защиту, но она просила сама этого не делать. Так как я с ней была дружна и часто заходила, то знала, что ее беспокоит судьба ее племянника, которого она взяла под свое покровительство, еще будучи директрисой, и надеялась направить его на путь истинный. Он поступил в мой класс, кажется, за год до окончания и окончил с нами школу. Он уже писал стихи и на вечере-встрече на следующий год читал некоторые из них, например, “Задам по задам за дам“ и проч. в таком роде, к ужасу своей тети!“

После школы Даня около года посещал занятия в Ленинградском электротехникуме. С 1925 года нигде не учился и занимался только литературным трудом (впрочем, слабые попытки продолжить образование были).

К этому времени, к 1924—1925 годам, относится появление знаменитого псевдонима писателя — Даниил Хармс, который настолько сросся с творчеством и бытом писателя, что уже при его жизни не воспринимался как псевдоним. Те, кто знакомились с Хармсом в тридцатые годы и не знали его настоящей фамилии, полагали, что писатель — судя по его “нордической внешности“ (предки Ювачева по отцу были из новгородских крестьян) — ведет свою родословную от иностранцев, попавших в Петербург.

Еще школьником Ювачев встретился с Эстер Русаковой, дочерью политэмигранта Александра Русакова, возвратившегося в Россию из Франции после революции.

“Она была для меня не только женщина, — вспоминал позднее Хармс, — которую я любил, но и еще чем-то другим, что входило во

все мои мысли и дела. Я разговаривал с Эстер не по-русски и ее имя писал латинскими буквами ESTHER“.

Муж одной из сестер Эстер, Любви Русаковой, В. Л. Кибальчич, блестяще одаренный человек, подписывал свои литературные произведения — Виктор Серж. Брат Эстер, автор популярных эстрадных мелодий, имел псевдоним не менее звучный: Поль Марсель.

Даня Ювачев стал Даниилом Хармсом. Исходное звуковое ядро в псевдониме — от французского *charme*, что означает “чары“, “обаяние“. Скрытый смысл псевдонима — Даниил Чародей или Даниил Колдун.

В обращении к псевдониму сказалась определенная традиция — у литературной молодежи предреволюционного Петербурга, и прежде всего у молодежи богемствующей, были в ходу звучные и загадочные псевдонимы, ориентированные на космополитичные имена артистов кабаре.

Что же касается закодированного значения псевдонима, то оно имеет прямое отношение к игровому поведению Даниила Ювачева. Свою жизнь он превратил в удивительный спектакль (“Хармс сам по себе искусство“, — говорил о нем поэт Александр Введенский), режиссером, сценаристом, актером, а часто и зрителем которого был один человек — Даниил Ювачев. Самый простой смысл этого спектакля — протест против автоматического существования.

Для этого годились экстравагантные шапочки, парадоксальные суждения и поступки. Но за земным рядом проступали план небесный и магический, вера в реальную магию слова и собственное чародейство, вера в Бога, наконец, — не ортодоксальная и прочная, как у отца, а точно пламя по ветру — ключьями, с броском в небо и паданием.

Игровое поведение Хармса не было ровным, а, как и творчество, имело свои периоды и жанры.

Свой литературный путь Хармс начал с сочинения “заумных“ стихов. Он вошел в группу молодежи, считавшей себя продолжателями футуристических “языкоопытов“. Лидером группы был Александр Туфанов. В своей книге “К зауми“ Туфанов подкреплял право на литературный эксперимент ссылками на труды И. Павлова, А. Эйнштейна, Н. Марра, заявлял, что заумному слову принадлежит будущее. В зауми Туфанов, в недалеком прошлом проповедник анархизма, видел “освобождение динамического Я“, “жизненный порыв“ художника, его “великий загул“.

В 1926 году Даниил Хармс становится членом Ленинградского отделения Союза поэтов. В этом же году в альманахе Союза “Собрание стихотворений“ появилась первая публикация Хармса — стихотворение “Случай на железной дороге“. Его первые строки на долгие годы стали визитной карточкой авангардистской скоморошины:

Как-то бабушка махнула
и тотчас же паровоз
детям подал и сказал:
пейте кашу и сундук.

Собственно, это не заумь в ее традиционном понимании или в аспекте, предложенном Туфановым.

Это “чинарство”. Новый этап раннего Хармса. Вместе с А. Введенским он создает “школу чинарей”. Значение слова “чинарь” сейчас восстановить довольно трудно. Существуют различные объяснения. На наш взгляд, озорное общество “чинарей” станет ближе и понятнее современному читателю, если он обратится к творчеству ленинградских “Митьков”. Между этими группами, разделенными временным промежутком в шестьдесят лет, немало общего: современный лубок, юмор, пародия, гротеск как основное художественное средство, веселая деструктивность.

Следующий этап эволюции Хармса-художника — ОБЭРИУ. Так называла себя группа поэтов Ленинграда. В группу входили Александр Введенский, Николай Заболоцкий, Константин Вагинов, Игорь Бахтерев, Борис Левин. Декларация группы была опубликована в информационном выпуске Ленинградского Дома печати.

Сокращение ОБЭРИУ было составлено из следующих элементов: ОБ — объединение, ЭР — реальное, И — искусство. У — не являлось словопредставителем и вносило в аббревиатуру игровой и даже пародийный характер. Смысл игры — в нарушении принятой логики сокращений. “У” приставлено просто так, смеха ради, по веселой детской присказке: потому, что кончается на “У”.

Понятно, что ключевым в этом названии является слово РЕАЛЬНОЕ. Обэриуты — так называли участников новой группы — утверждали, что искусство реально, как сама жизнь. Оно ничего не отражает. Не первично и не вторично. Оно само по себе. Живет, как и действительность, по собственным законам. Имеет свою, предметно осязаемую специфику.

Обэриуты не открывали Америку в своих теоретических выступлениях. Молодые поэты и прозаики были вторым поколением авангарда в русской культуре. Многие идеи им достались как бы по наследству. О самодвижении слова, о слове вне быта и пользы заявляли в манифестах футуристы. Бунтарям-литераторам вторили живописцы, в частности К. Малевич, утверждавшие, что беспредметное искусство — это и есть современный реализм. Литературоведы, примыкавшие к авангардному движению, писали об имманентном развитии художественных текстов, о двух различных словесных рядах: поэтическом и практическом, которые тем выразительнее, чем последовательней осуществляют свои функции.

Обэриуты отстаивали право художника на условную логику искусства. Ока у обэриутов необычна, странна.

“Может быть, вы будете утверждать, — заявлялось в Декларации — что наши сюжеты “не-реальны” и “не-логичны”? А кто сказал, что “житейская” логика обязательна для искусства? Мы поражаемся красотой нарисованной женщины, несмотря на то, что, вопреки анатомической логике, художник вывернул лопатку своей героине и отвел ее в сторону. У искусства своя логика, она не разрушает предмет, но помогает его познать”¹.

Особенностью этой логики были фантастичность действия и персонажей, условность пространства, походившего на сценическую площадку, да и время развивалось сценически: то двигалось рывками, то скручивалось жгутом.

Аналог такой логики — в сновидениях, волшебных сказках, в гоголевской фантазмагории “петербургских повестей”, а если ближе — в футуристических драмах.

На вечере обэриутов в январе 1928 года была поставлена одноактная пьеса Хармса “Елизавета Бам”, прозвучавшая как художественный манифест группы.

В сохранившемся режиссерском варианте пьесы она поделена на девятнадцать “кусков”. Каждый эпизод (“кусок”) требовал от актеров определенной манеры исполнения. Он или пародировал утвердившиеся театральные штампы, или же демонстрировал перед зрителем предысторию ОБЭРИУ: рассказывал о “заумном” периоде, “чинарстве”, о невоплощенном спектакле “Моя мама вся в часах”, который за два года до “Елизаветы Бам” собирались поставить будущие обэриуты.

Каждый “кусок” пьесы обладает относительной независимостью. Ее можно рассматривать как театральное обозрение, как монтаж интермедий.

Но есть в ней и сквозная сюжетная линия. Действие пьесы происходит в России, хотя полной уверенности в этом нет. Можно сказать: и в России, и в экспрессионистской Германии. Неопределенно и время — конец XIX века? современность? В общем, театрально условны и пространство и время “Елизаветы Бам”.

Героиня пьесы — обаятельная и неугомонная, эксцентричная и трогательная Елизавета Бам, девочка-подросток. Два правительственных агента — не то Бобчинский с Добчинским, не то сыщики-оборотни из уголовной киноленты — преследуют Бам, обвиняя ее в преступлении, которого она не совершала, — кафкианская ситуация задолго до появления книг Кафки в России.

¹ “Афиши Ленинградского Дома печати”, 1928, № 2, с. 11–13.

Тема преследование, подозрения, убийства проходит через всю пьесу и заканчивается арестом Бам.

Но эта мрачная тема прерывается в каждом эпизоде бесчисленными фарсовыми номерами, в которых принимают участие агенты, их жертва, Папаша и Мамаша Бам. Чего только нет в этой театральной игре в кошки-мышки: клоунада, комическая опера (к спектаклю была написана музыка товарищем Хармса по Петершуле П. Вульфiusом), пародия на театральные штампы.

В середине действия на авансцену выносился плакат “АНТРАКТ — КАТАРАКТ”. После минутной паузы спектакль продолжался.

Среди просто обэриутов были и кинообэриуты. Таким плакатиком подчеркивалась связь постановки с веселым озорством французских нигилистов. В середине двадцатых годов в Париже прогремел дадаистский фильм Рене Клера “Антракт”.

“Антракт” — писал о фильме поэт и художник Пикабия, — это настоящий антракт, антракт в скуке монотонной жизни и в условностях, полных смешного и лицемерного уважения... “Антракт” верит в удовольствие фантазии и уважает одно желание — расхохотаться”.

Все так: и полет фантазии, и озорство эксцентриады. Но в “Елизавете Бам” прозвучало и классическое русское: боль за оскорбленного человека.

1928 год для обэриутов был счастливым. В этот год они опубликовали свою Декларацию, устроили для общественности города программный литературный вечер “Три левых часа”. Укрепился их статус и как профессиональных писателей.

В 1928 году в Ленинграде начал выходить новый детский журнал “Еж”, орган центрального бюро юных пионеров. Введенский, Заболоцкий, Хармс стали постоянными авторами задорного журнала, во многом способствуя формированию его острого своеобразия.

Успех к Хармсу как детскому писателю пришел мгновенно. Произведения, обращенные к взрослому читателю, не печатались. Хармс в конце двадцатых — начале тридцатых годов еще надеялся опубликовать книгу “взрослых” произведений. Но потом эта надежда пропала.

В тридцатые годы писатель воспринимался литературными чиновниками как приписанный исключительно к “детскому” ведомству. Литература для детей стала для Хармса и трудом, и ярмом. “Дети — это гадость”, — заявляет в повести Хармса “Старуха” ее герой, по профессии писатель. Такую фразу сгоряча мог произнести и сам автор — в минуту отчаяния от своей крепостнической привязанности к детской книге.

В конце двадцатых годов Хармс много писал — и для взрослых, и для детей. Продолжал работу над “Комедией города Петербурга”, писал стихи, стихопрозу (“Лапа”) и просто прозу.

Между тем тучи над головами обэриутов стали сгущаться. В 1930 году ленинградская газета “Смена” навесила на них ярлык “реакционные жонглеры”. В этом же духе выступил в 1931 году и Н. Асеев, услужливо подпевавший прессе.

В последние дни 1931 года Хармс был арестован. Обвинения были вымышленными, явно инспирированными. Но Хармс был приговорен к трем годам лишения свободы, а затем этот срок ему заменили высылкой².

Хармс провел во внутренней тюрьме НКВД около полугода. За нарушение режима его — как это следует из записных книжек его отца — неоднократно переводили в изолятор, лишали свидания с родными. Тюрьма разрушительно действовала на личность писателя.

“Я был наиболее счастлив, когда у меня отняли перо и бумагу, — писал в своей парадоксальной манере Хармс, — и запретили мне что-либо делать. У меня не было тревоги, что я не делаю чего-то по своей вине, совесть была спокойна, и я был счастлив. Это было, когда я сидел в тюрьме. Но если бы меня спросили: не хочу ли я опять туда, или в положение, подобное тюрьме, я сказал бы: нет. НЕ ХОЧУ”.

Отец, получивший возможность свидеться с сыном в тюрьме, записал: “Мне он показался “библейским отроком” (27 лет), Исааком или Иосифом Прекрасным. Тоненький, шупленький. А за ним пышно одетый во френч, здоровый, полный, большой Коган (следовательно. — А. А.). Нас оставили вдвоем, и мы сидели до 3,5. Нам принесли чаю, булок, папиросы. Я подробно рассказывал, о чем он спрашивал. Больше говорили что пить, что есть, во что одеться и куда вышлют. От него пошел к Гартману. Он повторил, что и Даня, — его на 3 года в ссылку. Но это не окончательно. Полагают смягчить...” Свидание с племянником получила и его тетка Н. Колюбакина. Отец продолжает хронику тюремных свиданий: “Ей дали один час в присутствии агента ГПУ. У нее было другое впечатление от Дани: ему в тюрьме очень худо, он бледен, слаб, с таким же нервным подергиванием на лице, как и прежде. Т. е. впечатление совершенно обратное, чем у меня...”

Хармс вышел из тюрьмы в середине 1932 года. Несколько месяцев он провел в ссылке в Курске (вместе с прошедшим через те же испытания Александром Введенским). Поздней осенью Хармс возвратился в Ленинград. Он был восстановлен во всех писательских правах. А в 1934 году был принят в Союз советских писателей. Но все эти и последующие годы писатель находился под “колпаком” НКВД. Его

² Запись беседы корреспондента “Ленинградской правды” с начальником Упр. КГБ СССР по Лен. обл. В. М. Прилуковым — “Гласность и госбезопасность”. “Ленинградская правда”, 1988, 4 октября.

арест в 1941 году находится в прямой связи с арестом 1931 года. Это десятилетие было страшным и для страны: годы голода, насильственной коллективизации, годы репрессий и расцвета ГУЛАГа.

В это время Хармс и создает свои замечательные “Случаи” и повесть “Старуха”, реквием по себе и друзьям.

Это уже второй период творчества, время “упадания”, исчезновения энергии, а порой и веры в победу света.

Хармс первого периода, 1925—1931, устремлен “к небесам”. Его произведения веселы, хотя трагические судороги не раз пробегают по его сочинениям. Юмор писателя скорее светел, чем мрачен. Стихи, диалоги, веселые мистификации и импровизации — его основные жанры.

Второй период — это время прозы. Ее отчетливая твердая линия уводит нас в абсурд. И с разрастанием его усложняется повествование.

Центральное место в творчестве Хармса второго периода занимают цикл “Случаи” и повесть “Старуха”. Над циклом писатель работал в течение всего десятилетия³. Он стал зеркалом основных тем Хармса-прозаика.

Цикл собран из разножанровых произведений. Это мозаика из сценок, ритмической прозы, “обычной” прозы. Она имеет жанровые отличия: “эпизоды”, “анекдоты”, “иллюстрации”, “истории” и, конечно же, “случаи”. Собственно “случаем” является каждое произведение цикла, а “эпизоды” и “анекдоты” — подвиды “случая”.

“Случай” — это небольшая иллюстрация к размышлению автора о закономерном и непредвиденном в нашей жизни. Или же о явлении и сущности, поскольку автор часто употребляет, всерьез или иронически, в своей прозе эти философские категории.

Впрочем, закономерности как раз в “случаях” и нет. Механизм работает — механизм повседневной жизни, но такое впечатление, что работает вхолостую. Все вертится, перемещается, но непонятно — зачем, с какой целью. “Случаи” — абсурдные единицы сумрачного и непознаваемого общего порядка.

В цикле Хармса, как это нередко бывает у обэриутов, заключен пародийный элемент. Но роль его не следует преувеличивать. Нетрудно заметить насмешку автора над сусальной народностью, уже проступившей в книгах советских писателей (“Исторический эпизод”). В анекдотах о Пушкине шаржируются и невежественные представления о поэте, и юбилейные преувеличения в речах о нем по случаю столет-

³ Произведения названного цикла относятся к 30-м годам. В данном издании предположительные даты написания заключены в скобки. Если точная дата неизвестна — она обозначается со знаком вопроса или вовсе отсутствует.

ней годовщины со дня смерти. Но таких пародийных “случаев” немного. Не они создают основные цвета цикла.

Основные мотивы — ожесточение, убийство, исчезновение. Потери чаще всего. Исчезают предметы (“Потери”), сон (“Сон дразнит человека”), люди (“Молодой человек, удививший сторожа”), жизни (“Охотники”).

Об исчезновениях и смертях рассказывается с жутковатым смешком. Без жалости. Жизнь человека приравнена к огурцу или медному подсвечнику. Людская жизнь ничего не стоит, потому что людей много и они одинаковы. Одного роста — такими они кажутся в “Случаях”, одинаково одеты и одинаково внутренне пусты.

Вот рассказ “Машкин убил Кошкина”. Он начинается так: “Товарищ Кошкин танцевал вокруг товарища Машкина”. Следует описание пантомимических сцен. Затем: “Товарищ Машкин вскрикнул и кинулся на товарища Кошкина”. Избиение. И финал: “Машкин убил Кошкина”. Каждая фраза коротенького повествования начинается с новой строки. Конструктивно фразы похожи. Повторяются фамилии. Повторяются действия. Перед нами не то свободный стих о поединке товарища Машкина с товарищем Кошкиным, не то либретто театрального действия об убийстве.

Что это — кровожадность автора?

Скорей, равнодушие, жестокость толпы. Рассказывая о городских случаях, автор ведет речь от имени массового сознания. Он говорит от имени народа, ставшего или готовящегося стать массой, стадом. А человеческая масса, не одухотворенная большой идеей, — это конец культуры, злобное НИЧТО.

Хармс собирал свой цикл миниатюр, когда литературная мода вернулась к эпическим “полотнам”. На благоговение критики перед эпопеей, на издательский спрос на пухлые тома с “психологией — идеологией” Хармс ответил “случаем” в несколько строк — “Встреча”.

“Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси. Вот, собственно, и все”.

Это тоже эпос. Но эпос абсурда, мира, где перевернулись понятия, где нельзя понять, где верх, а где ад.

В том же году, когда был завершен цикл “Случаев”, Хармс написал небольшую повесть “Старуха”.

Вряд ли современному читателю нужно растолковывать, что такое 1939 год в истории нашей страны. Это год сговора Гитлера со Сталиным, начало второй мировой войны. Зло фашизма и сталинщины нацелилось на Европу.

Главный герой повести — интеллигент, писатель. Само слово “герой” звучит странно в применении к прозе Хармса. Ведь в ней господ-

ствуют одномерные личности, маски. Герой — понятие психологической литературы, человек достаточно сложного внутреннего мира. Но так и обстоит дело с новым произведением Хармса. Это психологическая проза. Хармс ведет повествование от первого лица. Вводит читателя во внутренний мир героя. И, без сомнения, у читателя возникает сострадание к несчастному человеку, рассказчику “Старухи”, попавшему в железный капкан неразрешимых обстоятельств.

В повести можно рассмотреть отдельные “случаи”, рассыпанные по тексту: рассказ о чудотворце, истории с покойниками, сон о глиняном приятеле. Но “случаи” соединены новыми отношениями. Они стали частью психологической ткани повести, приняли участие в циркуляции ее идей, то усиливая, а то и дополняя их.

Эпиграф к повести взят из романа Гамсуна “Мистерии” — “...И между ними происходит следующий разговор”. Эпиграф выполняет роль указателя. Обращает наше внимание на “разговоры” в повести. А их с участием рассказчика — два. Разговор с приятной дамочкой, а затем — с Сакердоном Михайловичем.

Каково содержание этих разговоров, о чем они? В первом миловидная непосредственная собеседница героя признается в своей вере в Бога. Во втором — осторожный, недоверчивый, многоумный Сакердон Михайлович уклоняется от ответа на прямой вопрос рассказчика о своем отношении к Богу. Похоже, что и в бессмертие, и в Бога он не верит.

Между этими основными сюжетными узлами бьется живым маятником герой повести. Мечутся его мысли о возможности чуда и ненужности чуда. Безусловно, и раньше, до встречи со старухой, которая носит с собой часы без стрелок — сюрреалистический знак судьбы, — герой задумывался о месте чуда в современности. Иначе бы он не взялся писать рассказ о чудотворце, отказавшемся от чудесного.

Метания героя, его броски от “да” к “нет” усилены, акцентированы метаморфозами, происходящими со старухой — антигероем. Она пришла умирать в комнату рассказчика: то она живая, то — мертвая. О ней можно сказать и так: мертво-живая. Старуха — это зло и это судьба. Может, смириться с судьбой? — таково основное тяготение в повести. Окончательного решения рассказчик не принимает. Он похож на утопающего. Отчаянные попытки всплыть, удержаться на воде обессилили тело и не принесли спасения. С парализованным сознанием он последние минуты еще держит голову над водой.

Принять бесчеловечное НИЧТО, пасть на колени перед злом — все более склоняется рассказчик к этому решению. Не противиться злу, как учили этому ранние христиане и современные буддисты, — упоминание о Буддийском храме в конце повести не случайно. Оно влияет-

ся в общую тему судьбы — наказания неизвестно за что, — проходящую через всю книгу.

Отчаянные ритмы повести создаются не только бросками от веры к отчаянию. Переходы от живой жизни к мертвому телу также образуют ритмическую сеть повествования. Контрастом симпатичной дамочке — мертвое тело старухи — вот его ритмика. Живому Сакердону Михайловичу противопоставлен глиняный, безжизненный Сакердон Михайлович. И таких контрастов — ритмообразующих — в повести немало.

Почему же все-таки чудотворец в одном из “случаев” отказался от своей силы? Отчетливо ответ на это в повести не произносится. Но она подводит к страшному выводу: может быть, раз мир заселен злом, чудо — как добро, свет — и не нужно вовсе? Оно ничего не изменит.

Страшная догадка о всеисилии зла кажется автору ересью. И он прерывает повесть, как дурной сон. Литературный прием в данном случае совпадает с закланием, с особым отношением Хармса к слову, к литературному жанру вообще.

Произведения Хармса, относящиеся к первому периоду ОБЭРИУ, 1928—1931 годов охвачены настроением полета. От земли герои (и маски) Хармса уносятся в небеса. Небесный полет и озорной, и алогичный — еще бы, ведь путь не по земле Бытового Смысла.

Второй период, тридцатые годы, можно охарактеризовать словом самого Хармса — “упадание”. До небесных сфер так и не пришлось долететь. И не ясно, существуют ли они. А вот в жестокий абсурд современности врезаться пришлось. Герой последних рассказов Хармса не летает: он лежит на полу (“Победа Мышина”). А если приподнимается, то попадает в страшный переплет обстоятельств, из которых выхода нет (“Помеха”).

Юмор — обязательный конструктивный элемент произведений Хармса — сохраняется и в рассказах об “упадании”. Но это юмор жестокого, перевернутого, лишнего милосердия бытия. Антимех.

В 1939 году Хармс находился на лечении в психоневрологической больнице. По выходе из нее он получил медицинское свидетельство о заболевании шизофренией.

Сейчас нам уже не выяснить: был ли Хармс действительно болен или же его болезнь — очередная артистическая мистификация, цель которой — получение охранный грамоты, спасавшей от ареста.

Ведь совсем недавно были арестованы его друзья. В 1937 году — Николай Олейников. Через год, в 1938-м, Николай Заболоцкий. Может быть, Хармс решил уйти из очереди?

В 1939—1941 годах он по-прежнему, как и до получения медицинского свидетельства, занимался профессиональной деятельностью как детский писатель: выступал с чтением произведений перед детьми, печатался на страницах “Чиж”, участвовал в редакционных собраниях.

В день объявления войны фашистской Германией Хармс, как вспоминает его сестра, сказал: первая бомба упадет на меня. Как понимать эти слова? Буквально?

Действительно, одна из первых бомб, сброшенных немцами на Ленинград, упала рядом с домом Хармса (но это произошло тогда, когда Хармс уже не жил в квартире). А может быть, Хармс имел в виду совсем другое: неизбежную чистку жителей Ленинграда стальным гребнем НКВД в начале войны. Причины для опасения у него были серьезные. Самая главная из них, как мы помним, политическая судимость в 1932 году. Из-за нее Хармс находился постоянно в поле зрения НКВД.

За несколько дней до ареста с ним встретился писатель А. И. Пантелеев. Об этой встрече Пантелеев записал в дневник: “На Надеждинской встречаю Д. И. Хармса. Зовет к себе. Покупаем грузинское вино, белый хлеб (да, был еще в магазинах белый хлеб), идем к нему.

Неожиданно для себя узнаю, что Хармс увлекается (все эти два месяца) старинным русским церковным зодчеством. Оба стола в его комнате завалены монографиями, альбомами — Новгород, Киев, Суздаль, Ростов Великий... Впрочем, не так уж неожиданно.

Маленькая, юркая, красивая и умная Марина Владимировна — женщина героическая. Живется ей трудно. В шкафчике, заменяющем буфет, шаром покати.

Даниил Иванович настроен патриотически. Не верит в окончательную победу немцев. Марина Владимировна считает, что немцы через неделю, самое большее через две — будут на улицах Ленинграда. Я спорить с ней не решаюсь. Хармс сердится и спорит.

— Если и войдут, через полгода их погонят.

Как всегда, мы с Д. И. много шутим. Помогает этому разливное самтрестовское вино.

Дня через два, рано утром, дворничиха Маша приносит мне повестку⁴.

А. И. Пантелеев был вызван в паспортный отдел Городского управления милиции, где имевших ранее судимость лишали прописки, что означало высылку из города. В эти дни был арестован и Даниил Хармс.

За два дня до его ареста в “Ленинградской правде” было опубликовано обращение “Ко всем трудящимся города Ленина”, подписанное Ворошиловым, Ждановым, Попковым. В нем говорилось, что над городом нависла непосредственная угроза нападения фашистских войск. По принятому порядку все городские организации откликнулись на обра-

⁴ Пантелеев Л. “Приоткрытая дверь...”, Л. — “Советский писатель”, 1980, с.381–382.

шение, в том числе и органы НКВД. В день ареста Хармса в той же “Ленинградской правде”, 23 августа, в передовой статье заявлялось, что “священный долг каждого ленинградца — помогать органам НКВД срывать маску со шпионов, диверсантов и их пособников”.

Тот же Пантелеев пишет, возможно, опираясь на свидетельство жены Хармса, что в этот день “пришел к нему дворник, попросил выйти за чем-то во двор. А там уже стоял “черный ворон”. Взяли его полуодетого, в одних тапочках на босу ногу”. Хармсу было предъявлено стандартное обвинение в “пораженческой” пропаганде.

В. М. Прилуков в упоминавшемся нами интервью сообщил, что “состоялся только один допрос (на нем Хармс решительно отверг выдвигавшиеся против него обвинения), после которого была проведена судебно-медицинская экспертиза”. Хармс был помещен в больницу при внутренней тюрьме НКВД. Через эту больницу когда-то прошли и друзья Хармса — Олейников и Заболоцкий.

Судебно-медицинская экспертиза не торопилась. Лишь 7 декабря Хармс предстал перед военным трибуналом. На основе экспертизы Хармса освободили от уголовной ответственности, и он был направлен на принудительное лечение в психиатрическое отделение больницы при пересыльной тюрьме (так называемая тюрьма № 2). Из этой тюрьмы заключенные вывозились из Ленинграда даже в блокаду⁵.

В это время жена Хармса — Марина Малич — добивалась свидания с мужем, наводила справки о его судьбе. Малич переписывалась с Натальей Шанько, женой артиста Антона Шварца, эвакуировавшейся в Пермь. Из писем Малич к Шанько, находящихся сейчас в ЦГАЛИ, известно, что Хармс был арестован 23 августа 1941 года. 30 сентября жена Хармса сообщала Шанько: “Я всеми силами души стремлюсь отсюда выехать... Одна моя мечта — это уехать отсюда и хоть немножко приблизиться к Дане... Я на всякий случай написала Вам Данин адрес, т. к. боюсь, чтобы он не остался в конце концов совсем один. Город Новосибирск, учреждение Вы сами знаете, Ювачеву-Хармс. Если будет возможность, пошлите ему хоть рублей 50 или 40. Если он уже доехал, это будет для него поддержкой”.

Сейчас мы знаем, что Хармс в это время находился во внутренней тюрьме, “проходил экспертизу”. Но, возможно, по каким-то каналам Малич сообщили, что ее мужа вышлют (уже выслали?) из Ленинграда в Новосибирскую тюрьму.

⁵ — Сколько ленинградцев было эвакуировано через Дорогу жизни?

— Миллион с лишним, в том числе тюрьма и дом умалишенных (из частного разговора с бывшим начальником эвакуопункта в Борисовой Гриве Л. А. Левиным). Эпиграф к книге М. Дудина “Дорога жизни”, Лениздат, 1968.

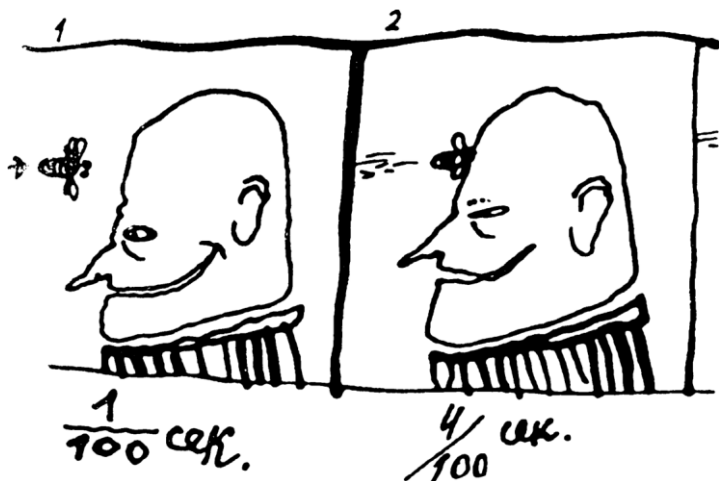
В письме без даты (штамп: 27.12.41) Малич писала "...только что подтвердилось известие, что Даниил Иванович в Новосибирске. Бели у Вас есть какая-нибудь материальная возможность, помогите ему, от Вас это ближе и вернее дойдет. Я со своей стороны делаю все возможное, но мне сложнее из-за дальнего расстояния... Адрес: Новосибирск, НКВД, тюрьма, заключенному Дан. Ив. от моего имени. Буду вам бесконечно благодарна".

Итак, 7 декабря 1941 года Хармса, согласно записи в следственном деле, направили в пересыльную тюрьму (тюрьма № 2). Что было дальше — неизвестно. Есть лишь сообщение от 2 февраля 1942 года о его смерти. Место смерти не указано.

В отличие от тюрьмы № 1 (Центральная — "Кресты"), в тюрьме № 2 заключенных долго не держали. В жестокие морозы их вывозили, как сообщал Л. Левин Дудину, через Ладогу на Большую землю. Надо думать, что потери были страшные. Страшны были мучения Хармса. Он испытывал голод как блокадник, унижения как заключенный, и как больной — всю тягость принудительного лечения в психиатрическом отделении тюремной больницы. Он мог умереть в пересыльной тюрьме № 2, на Дороге жизни, на одном из этапов по пути следования заключенных в Сибирь.

Родившись рядом с тюрьмой, он умер в тюрьме. Он всегда шел наперекор общему мнению. Истину искал не на земле, а на небе. Американский журналист Х. Солсбери, во время блокады не покидавший Ленинград, сохранил нам в своей книге "900 дней. Осада Ленинграда" отзыв друзей о Хармсе. Отзыв звучит как эпитафия: "блестящий сатирик, философ готического настроения, правдивый писатель абсурда".

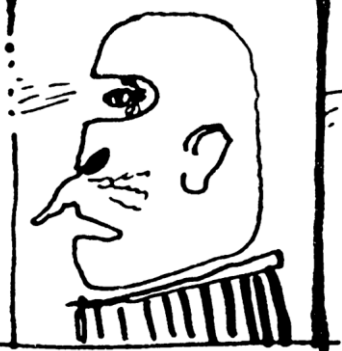
Анатолий Александров

3

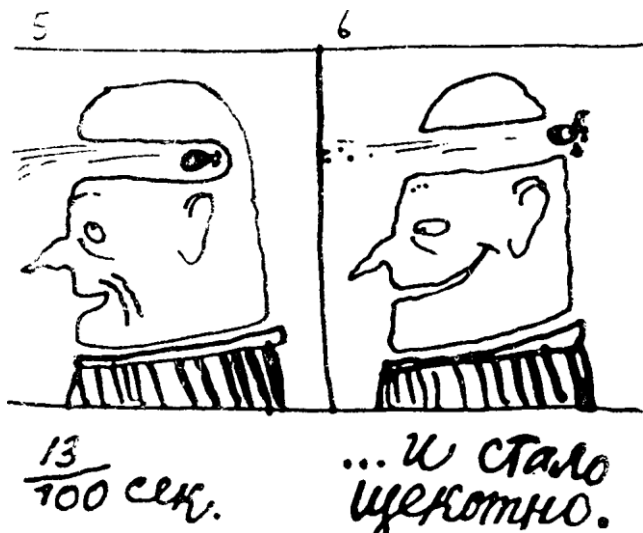
 $\frac{7}{100}$ сек.

4

 $\frac{12}{100}$ сек.

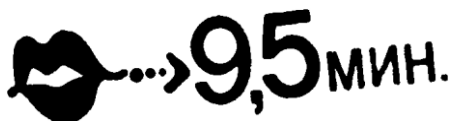
(1)

Одна муха ударила в лоб бегущего мимо господина, прошла сквозь его голову и вышла из затылка. Господин, по фамилии Дернятин, был весьма удивлен: ему показалось, что в его мозгах что-то просвистело, а на затылке лопнула кожа и стало щекотно. Дернятин остановился и подумал: “Что бы это такое значило? Ведь совершенно ясно я слышал в мозгах свист. Ничего такого мне в голову не приходит, чтобы я мог понять, в чем тут дело. Во всяком случае, ощущение редкостное, похожее на какую-то головную болезнь. Но больше об этом я думать не буду, а буду продолжать свой бег”. С этими мыслями господин Дернятин побежал дальше, но как он ни бежал, того уже все-таки не получалось. На голубой дорожке Дернятин оступися ногой и едва не упал, пришлось даже помахать руками в воздухе. “Хорошо, что я не упал, — подумал Дернятин, — а то разбил бы свои очки и перестал бы видеть направление путей”. Дальше Дернятин пошел шагом, опираясь на свою тросточку. Однако одна опасность следовала за другой. Дернятин

запел какую-то песню, чтобы рассеять свои нехорошие мысли. Песнь была веселой и звучной, такая, что Дернятин увлекся ей и забыл даже, что он идет по голубой, дорожке, по которой в эти часы дня ездили другой раз автомобили с головокружительной быстротой. Голубая дорожка была очень узенькая, и отскочить в сторону от автомобиля было довольно трудно. Потому она считалась опасным путем. Осторожные люди всегда ходили по голубой дорожке с опаской, чтобы не умереть. Тут смерть поджидала пешехода на каждом шагу то в виде автомобиля, а то в виде ломовика, то в виде телеги с каменным углем. Не успел Дернятин высморкаться, как на него катил огромный автомобиль. Дернятин крикнул: “Умираю!” — и прыгнул в сторону. Трава расступилась перед ним, и он упал в сырую канавку. Автомобиль с грохотом проехал мимо, подняв над крышей флаг бедственных положений. Люди а автомобиле были уверены, что Дернятин погиб, а потому сняли свои головные уборы и дальше ехали уже простоволосые. “Вы не заметили, под какие колеса попал этот странник, под передние или под задние?” — спросил господин, одетый в муфту, то есть не в муфту, а в башлык. “У меня, — говаривал этот господин, — здорово застужены щеки и ушные мочки, а потому я хожу всегда в этом башлыке“. Рядом с господином в автомобиле сидела дама, интересная своим ртом. “Я, — сказала дама, — волнуюсь, как бы нас не обвинили в убийстве этого — путника“. — “Что? Что?“ — спросил господин, оттягивая с уха башлык. Дама повторила свое опасение. “Нет, — сказал господин в башлыке, — убийство карается только в тех случаях, когда убитый подобен тыкве. Мы же нет. Мы же нет. Мы не виноваты в смерти путника. Он сам крикнул: умираю! Мы только свидетели его внезапной смерти“. Мадам Анэт улыбнулась интересным ртом и сказала про себя: “Антон Антонович, вы ловко выходите из беды“. А господин Дернятин лежал в сырой канаве, вытянув свои руки и ноги. А автомобиль уже уехал. Уже Дернятин

понял, что он не умер. Смерть в виде автомобиля миновала его. Он встал, почистил рукавом свой костюм, посплюнул пальцы и пошел по голубой дорожке нагонять время. Время на девять с половиной минут убежало вперед, и Дернятин шел, нагоняя минуты.

(2)

Семья Рундадаров жила в доме у тихой реки Сви-
речки Отец Рундадаров, Платон Ильич, любил знания
рысоких полетов: Математика, Тройная Философия,
География Эдема, книги Винтвивека, учение о смертных
толчках и небесная иерархия Дионисия Ареопагита бы-
ли налюбимейшие науки Платона Ильича. Двери дома
Рундадаров были открыты всем странникам, посетившим
святые точки нашей планеты. Рассказы о летающих хол-
мах, приносимые оборванцами из Никитинской слободы,
встречались в доме Рундадаров с оживлением и напря-
женным вниманием. Платоном Ильичом хранились
длинные списки о деталях летания больших и мелких
холмов. Особенно отличался от всех других взлетов
взлет Капустинского холма. Как известно, Капустинский
холм взлетел ночью, часов в 5, выворотив с корнем
кедр. От места взлета к небу холм поднимался не по
серповидному пути, как все прочие холмы, а по прямой
линии, сделав маленькие колебания лишь на высоте
15—16 километров. И ветер, дующий в холм, пролетал
сквозь него, не сгоняя его с пути. Будто холм кремневых
пород потерял свойство непроницаемости. Сквозь холм,
например, пролетела галка. Пролетела, как сквозь обла-

ко. Об этом утверждают несколько свидетелей. Это противоречило законам летающих холмов, но факт оставался фактом, и Платон Ильич занес его в список деталей Капустинского холма. Ежедневно у Рундадаров собирались почетные гости и обсуждались признаки законов алогической цепи. Среди почетных гостей были: профессор железных путей Михаил Иванович Дундуков, игумен Миринос II и плехаризиаст Стефан Дернятин. Гости собирались в нижней гостиной, садились за продолговатый стол, на стол ставилось обыкновенное корыто с водой. Гости, разговаривая, поплевывали в корыто: таков был обычай в семье Рундадаров. Сам Платон Ильич сидел с кнутиком. Время от времени он мочил его в воде и хлестал им по пустому стулу. Это называлось “шуметь инструментом“. В девять часов появлялась жена Платона Ильича, Анна Маляевна, и вела гостей к столу. Гости ели жидкие и твердые блюда, потом подползали на четвереньках к Анне Маляевне, целовали ей ручку и садились пить чай. За чаем игумен Миринос II рассказывал случай, происшедший четырнадцать лет тому назад. Будто он, игумен, сидел как-то на ступеньках своего крыльца и кормил уток. Вдруг из дома вылетела муха, покружилась и ударила игумена в лоб. Ударила в лоб и прошла насквозь головы, и вышла из затылка, и улетела опять в дом. Игумен остался сидеть на крыльце с восхищенной улыбкой, что наконец-то воочию увидел чудо. Остальные гости, выслушав Мириноса II, ударяли себя чайными ложками по губам и по кадыку в знак того, что вечер окончен. После разговор принимал фривольный характер. Анна Маляевна уходила из комнаты, а господин плехаризиаст Дернятин заговаривал на тему “Женщина и цветы“. Бывало и так, что некоторые из гостей оставались ночевать. Тогда сдвигалось несколько шкапов, и на шкапы укладывали Мириноса II. Профессор Дундуков спал в столовой на рояле, а господин Дернятин ложился в кровать к рундадарской прислуге Маше. В большинстве же случаев гости расходились по до-

мам Платон Ильич сам запирает за ними дверь и шел к Анне Маляевне. По речке Свиречке плыли с песнями никитенские рыбаки. И под рыбацкие песни засыпала семья Рундадаров.

(1929—1930)

ВЕЩЬ

Мама, папа и прислуга по названию Наташа сидели за столом и пили.

Папа был несомненно забулдыга. Даже мама смотрела на него свысока. Но это не мешало папе быть очень хорошим человеком. Он очень добродушно смеялся и качался на стуле. Горничная Наташа, в наkolке и передничке, все время невозможно смеялась. Папа веселил всех своей бородой, но горничная Наташа конфузливо опускала глаза, изображая, что она стесняется.

Мама, высокая женщина с большой прической, говорила лошадиным голосом. Мамин голос трубил в столовой, отзываясь на дворе и в других комнатах.

Выпив по первой рюмочке, все на секунду замолчали и поели колбасу. Немного погодя все опять заговорили.

Вдруг, совершенно неожиданно, в дверь кто-то постучал. Ни папа, ни мама, ни горничная Наташа не могли догадаться, кто это стучит в дверь.

— Как это странно, — сказал папа. — Кто бы там мог стучать в дверь?

Мама сделала соболезнующее лицо и не в очередь налила себе вторую рюмочку, выпила и сказала:

— Странно.

Папа ничего не сказал плохого, но налил себе тоже рюмочку, выпил и встал из-за стола.

Ростом был папа невысок. Не в пример маме. Мама была высокой, полной женщиной с лошадиным голосом, а папа был просто ее супруг. В добавление ко всему прочему папа был веснушчат.

Он одним шагом подошел к двери и спросил:

— Кто там?

— Я, — сказал голос за дверью.

Тут же открылась дверь, и вошла горничная Наташа, вся смущенная и розовая. Как цветок. Как цветок.

Папа сел.

Мама выпила еще.

Горничная Наташа и другая, как цветок, зарделись от стыда, Папа посмотрел на них и ничего плохого не сказал, а только выпил, так же как и мама.

Чтобы заглушить неприятное жжение во рту, папа вскрыл банку консервов с раковым паштетом. Все были очень рады, ели до утра. Но мама молчала, сидя на своем месте. Это было очень неприятно.

Когда папа собирался что-то спеть, стукнуло окно. Мама вскочила с испуга и закричала, что она ясно видит, как с улицы в окно кто-то заглянул. Другие уверяли маму, что это невозможно, так как их квартира на третьем этаже, и никто с улицы в окно посмотреть не может — для этого нужно быть великаном или Голиафом.

Но маме взбрела в голову крепкая мысль. Ничто на свете не могло ее убедить, что в окно никто не смотрел.

Чтобы успокоить маму, ей налили еще одну рюмочку. Мама выпила рюмочку. Папа тоже налил себе и выпил.

Наташа и горничная, как цветок, сидели, потупив глаза от конфуза.

— Не могу быть в хорошем настроении, когда на нас смотрят с улицы через окно, — кричала мама.

Папа был в отчаянии, не зная, как успокоить маму. Он сбегал даже на двор, пытаясь заглянуть оттуда хотя бы в окно второго этажа. Конечно, он не смог дотянуть-

ся. Но маму это нисколько не убедило. Мама даже не видела, как папа не мог дотянуться до окна всего лишь второго этажа.

Окончательно расстроенный всем этим, папа вихрем влетел в столовую и залпом выпил две рюмочки, налив рюмочку и маме. Мама выпила рюмочку, но сказала, что пьет только в знак того, что убеждена, что в окно кто-то посмотрел.

Папа даже руками развел.

— Вот, — сказал он маме и, подойдя к окну, растворил настежь обе рамы.

В окно попытался влезть какой-то человек в грязном воротничке и с ножом в руках. Увидя его, папа захлопнул рамы и сказал:

— Никого там нет.

Однако человек в грязном воротничке стоял за окном и смотрел в комнату и даже открыл окно и вошел.

Мама была страшно взволнована. Она грохнулась в истерику, но, выпив немного предложенного ей папой и закусив грибом, успокоилась.

Вскоре и папа пришел в себя. Все опять сели к столу и продолжали пить.

Папа достал газету и долго вертел ее в руках, ища, где верх и где низ. Но сколько он ни искал, так и не нашел, а потом отложил газету в сторону и выпил рюмочку.

— Хорошо, — сказал папа, — но не хватает огурцов. Мама неприлично заржала, отчего горничные сильно сконфузились и принялись рассматривать узор на ска-терти.

Папа выпил еще и вдруг, схватив маму, посадил ее на буфет.

У мамы взбилась седая пышная прическа, на лице проступили красные пятна и, в общем, рожа была возбужденная.

Папа подтянул свои штаны и начал тост.

Но тут открылся в полу люк, и оттуда вылез монах.

Горничные так переконфузились, что одну начало рвать. Наташа держала свою подругу за лоб, стараясь скрыть безобразие.

Монах, который вылез из-под пола, прицелился кулаком в папино ухо, да как треснет!

Папа так и шлепнулся на стул, не окончив тоста.

Тогда монах подошел к маме и ударил ее как-то снизу — не то рукой, не то ногой.

Мама принялась кричать и звать на помощь.

А монах схватил за шиворот обеих горничных и, помотав ими по воздуху, отпустил.

Потом, никем не замеченный, монах скрылся опять под пол и закрыл за собой люк.

Очень долго ни мама, ни папа, ни горничная Наташа не могли прийти в себя. Но потом, отдышавшись и приведя себя в порядок, они выпили по рюмочке и сели за стол закусить шинкованной капусткой.

Выпив еще по рюмочке, все посидели, мирно беседуя.

Вдруг папа побагровел и принялся кричать.

— Что! Что! — кричал папа. — Вы считаете меня за мелочного человека! Вы смотрите на меня как на неудачника! Я вам не приживальщик! Сами вы негодяи!

Мама и горничная Наташа выбежали из столовой и заперлись на кухне.

— Пошел, забулдыга! Пошел, чертово копыто! — шептала мама в ужасе окончательно сконфуженной Наташе.

А папа сидел в столовой до утра и орал, пока не взял папку с делами, надел белую фуражку и скромно пошел на службу.

31 мая 1929 года

1. Однажды Андрей Васильевич шел по улице и потерял часы. Вскоре после этого он умер. Его отец, горбатый пожилой человек, целую ночь сидел в цилиндре и сжимал левой рукой тросточку с крючковой ручкой. Разные мысли посещали его голову, в том числе и такая: жизнь — это Кузница.

2. Отец Андрея Васильевича по имени Григорий Антонович, или, вернее, Василий Антонович, обнял Марию Михайловну и назвал ее своей владычицей. Она же молча и с надеждой глядела вперед и вверх. И тут же паршивый горбун Василий Антонович решил уничтожить свой горб.

3. Для этой цели Василий Антонович сел в седло и приехал к профессору Мамаеву. Профессор Мамаев сидел в саду и читал книгу. На все просьбы Василия Антоновича профессор Мамаев отвечал одним словом: “успеется”. Тогда Василий Антонович пошел и лег в хирургическое отделение.

4. Началась операция. Но кончилась она неудачно, потому что одна сестра милосердия покрыла свое лицо клетчатой тряпочкой и ничего не видела, и не могла подавать нужных инструментов. А фельдшер завязал себе рот и нос, и ему нечем было дышать, и к концу операции он задохнулся и замертво упал на пол. Но самое неприятное — это то, что профессор Мамаев второпях забыл снять с пациента простыню и отрезал ему вместо горба что-то другое, — кажется, затылок. А горб только потыкал хирургическим инструментом.

5. Придя домой, Василий Антонович до тех пор не мог успокоиться, пока в дом не ворвались испанцы и не отрубили затылок кухарке Андрюшке.

6. Успокоившись, Василий Антонович пошел к другому доктору, и тот быстро отрезал ему горб.

ФЫ + ХНЮ =
= Бубнов

7. Потом все пошло очень просто. Мария Михайловна развелась с Василием Антоновичем и вышла замуж за Бубнова.

8. Бубнов не любил своей новой жены. Как только она уходила из дома, Бубнов покупал себе новую шляпу и все время здоровался со своей соседкой Анной Моисеевной. Но вдруг у Анны Моисеевны сломался один зуб, и она от боли широко открыла рот. Бубнов задумался о своей биографии.

9. Отец Бубнова, по имени Фы, полюбил мать Бубнова, по имени Хню. Однажды Хню сидела на плите и собирала грибы, которые росли около нее. Но он неожиданно сказал так:

— Хню, я хочу, чтобы у нас родился Бубнов.

Хню спросила:

— Бубнов? Да, да?

— Точно так, ваше сиятельство, — ответил Фы.

10. Хню и Фы сели рядом и стали думать о разных смешных вещах и очень долго смеялись.

11. Наконец, у Хню родился Бубнов.

(1931)

Иван Яковлевич Бобов проснулся в самом приятном настроении духа. Он выглянул из-под одеяла и сразу же увидел потолок. Потолок был украшен большим серым пятном с зеленоватыми краями. Если смотреть на пятно пристально, одним глазом, то пятно становилось похоже на носорога, запряженного в тачку, хотя другие находили, что оно больше походит на трамвай, на котором верхом сидит великан, — а впрочем, в этом пятне можно было усмотреть очертания даже какого-то города. Иван Яковлевич посмотрел на потолок, но не в то место, где было пятно, а так, неизвестно куда; при этом он улыбнулся и сощурил глаза. Потом он вытаращил глаза и так высоко поднял брови, что лоб сложился, как гармошка, и чуть совсем не исчез, если бы Иван Яковлевич не сощурил глаза опять, и вдруг, будто устыдившись чего-то, натянул одеяло себе на голову. Он сделал это так быстро, что из-под другого конца одеяла выставились голые ноги Ивана Яковлевича, и сейчас же на большой палец левой ноги села муха. Иван Яковлевич подвигал этим пальцем, и муха перелетела и села на пятку. Тогда Иван Яковлевич схватил одеяло обеими ногами, одной ногой он подцепил одеяло снизу, а другую ногу он вывернул и прижал ею одеяло сверху, и таким образом стянул одеяло со своей головы. “Шиш“, — сказал Иван Яковлевич и надул щеки. Обыкновенно, когда Ивану Яковлевичу что-нибудь удавалось или, наоборот, совсем не выходило, Иван Яковлевич всегда говорил “шиш“ — разумеется, не громко и вовсе не для того, чтобы кто-нибудь это слышал, а так, про себя, самому себе. И вот, сказав “шиш“, Иван Яковлевич сел на кровать и протянул руку к стулу, на котором лежали его брюки, рубашка и прочее белье. Брюки Иван Яковлевич любил носить полосатые. Но раз, действительно, нигде нельзя было достать полосатых брюк. Иван Яковлевич и в “Ленинград-одежде“ был, и в универмаге, и в Пассаже, и в Гостином дворе, и на Петроградской стороне обошел все магазины. Даже куда-то на Охту съездил, но нигде по-

лосатых брюк не нашел. А старые брюки Ивана Яковлевича износились уже настолько, что надеть их стало невозможно. Иван Яковлевич зашивал их несколько раз, но наконец и это перестало помогать. Иван Яковлевич опять обошел все магазины и, опять не найдя нигде полосатых брюк, решил наконец купить клетчатые. Но и клетчатых брюк нигде не оказалось. Тогда Иван Яковлевич решил купить себе серые брюки, но и серых нигде не нашел. Не нашлись нигде и черные брюки, годные на рост Ивана Яковлевича. Тогда Иван Яковлевич пошел покупать синие брюки, но, пока он искал черные, пропали всюду и синие и коричневые. И вот, наконец, Ивану Яковлевичу пришлось купить зеленые брюки с желтыми крапинками. В магазине Ивану Яковлевичу показалось, что брюки не очень уж яркого цвета и желтая крапинка вовсе не режет глаз. Но, придя домой, Иван Яковлевич обнаружил, что одна штанина и точно будто благородного оттенка, но зато другая просто бирюзовая, и желтая крапинка так и горит на ней. Иван Яковлевич попробовал вывернуть брюки на другую сторону, но там обе половины имели тяготение перейти в желтый цвет с зелеными горошинами и имели такой веселый вид, что, кажись, вынеси такие штаны на эстраду после сеанса кинематографа, и ничего больше не надо: публика полчаса будет смеяться. Два дня Иван Яковлевич не решался надеть новые брюки, но когда старые разодрались так, что издали можно было видеть, что и кальсоны Ивана Яковлевича требуют починки, пришлось надеть новые брюки. Первый раз в новых брюках Иван Яковлевич вышел очень осторожно. Выйдя из подъезда, он посмотрел раньше в обе стороны и, убедившись, что никого поблизости нет, вышел на улицу и быстро зашагал по направлению к своей службе. Первым повстречался яблочный торговец с большой корзиной на голове. Он ничего не сказал, увидев Ивана Яковлевича, и только когда Иван Яковлевич прошел мимо, остановился, и так как корзина не позволила повернуть голову, то яблоч-

ный торговец повернулся весь сам и посмотрел вслед Ивану Яковлевичу, — может быть, покачал бы головой, если бы опять-таки не все та же корзина. Иван Яковлевич бодро шел вперед, считая свою встречу с торговцем хорошим предзнаменованием. Он не видел маневра торговца и утешал себя, что брюки не так уж бросаются в глаза. Теперь навстречу Ивану Яковлевичу шел такой же служащий, как и он, с портфелем под мышкой. Служащий шел быстро, зря по сторонам не смотрел, а больше смотрел себе под ноги. Поравнявшись с Иваном Яковлевичем, служащий скользнул взглядом по брюкам Ивана Яковлевича и остановился. Иван Яковлевич остановился тоже. Служащий смотрел на Ивана Яковлевича, а Иван Яковлевич на служащего.

— Простите, — сказал служащий, — вы не можете сказать мне, как пройти в сторону этого... государственного... биржи?

— Это вам надо идти по мостовой... по мосту... нет, вам надо идти так, а потом так, — сказал Иван Яковлевич.

Служащий сказал спасибо и быстро ушел, а Иван Яковлевич сделал несколько шагов вперед, но, увидев, что теперь навстречу ему идет не служащий, а служащая, опустил голову и перебежал на другую сторону улицы. На службу Иван Яковлевич пришел с опозданием и очень злой. Сослуживцы Ивана Яковлевича, конечно, обратили внимание на зеленые брюки со штанинами разного оттенка, но, видно, догадались, что это — причина злости Ивана Яковлевича, и расспросами его не беспокоили. Две недели мучился Иван Яковлевич, ходя в зеленых брюках, пока один из его сослуживцев, Аполлон Максимович Шилов, не предложил Ивану Яковлевичу купить полосатые брюки самого Аполлона Максимовича, будто бы не нужные Аполлону Максимовичу.

(1934_1937)

Андрей Семенович плюнул в чашку с водой. Вода сразу почернела. Андрей Семенович сощурил глаза и пристально посмотрел в чашку. Вода была очень черна. У Андрея Семеновича забилося сердце.

В это время проснулась собака Андрея Семеновича. Андрей Семенович подошел к окну и задумался. Вдруг что то большое и темное пронеслось мимо лица Андрея Семеновича и вылетело в окно. Это вылетела собака Андрея Семеновича и понеслась, как ворона, на

крышу противоположного дома. Андрей Семенович сел на корточки и завыл.

В комнату вбежал товарищ Попугаев.

— Что с вами? Вы больны? — спросил товарищ Попугаев.

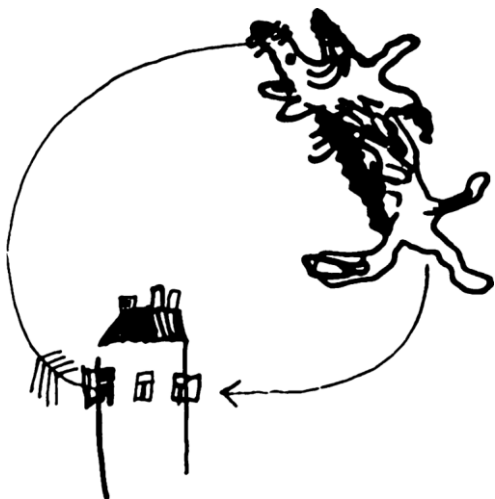
Андрей Семенович молчал и тер лицо руками.

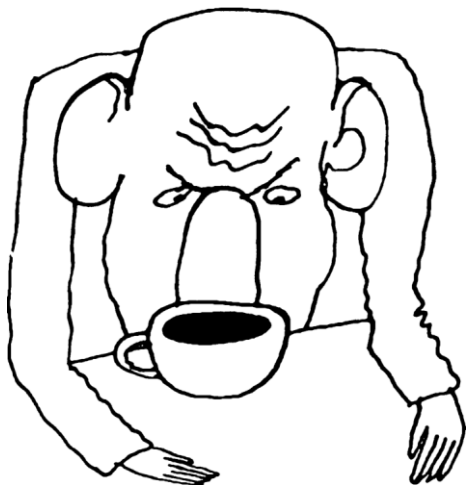
Товарищ Попугаев заглянул в чашку, стоявшую на столе.

— Что это у вас тут налито? — спросил он Андрея Семеновича.

— Не знаю, — сказал Андрей Семенович. Попугаев мгновенно исчез. Собака опять влетела в окно, легла на свое прежнее место и заснула.

Андрей Семенович подошел к столу и выпил из чашки почерневшую воду. И на душе у Андрея Семеновича стало светло.

21 августа (1934)

О РАВНОВЕСИИ

Теперь все знают, как опасно глотать камни.

Один даже мой знакомый сочинил такое выражение: “Кавео“, что значит: “Камни внутрь опасно“. И хорошо сделал. “Кавео“ легко запомнить, и как потребуется, так и вспомнишь сразу.

А служил этот мой знакомый истопником при паровозе. То по северной ветви ездил, а то в Москву. Звали его Николай Иванович Серпухов, а курил он папиросы “Ракета“, 35 коп. коробка, и всегда говорил, что от них он меньше кашлем страдает, а от пятирублевых, говорит, я всегда задыхаюсь.

И вот случилось однажды Николаю Ивановичу попасть в Европейскую гостиницу, в ресторан. Сидит Николай Иванович за столиком, а за соседним столиком иностранцы сидят и яблоки жрут.

Вот тут-то Николай Иванович и сказал себе: “Интересно, — сказал себе Николай Иванович, — как человек устроен“.

Только это он себе сказал, откуда ни возьмись, появляется перед ним фея и говорит:

— Чего тебе, добрый человек, нужно?

Ну, конечно, в ресторане происходит движение, откуда, мол, эта неизвестная дамочка возникла. Иностранцы так даже и яблоки жрать перестали.

Николай-то Иванович и сам не на шутку струхнул и говорит просто так, чтобы только отвязаться:

— Извините, — говорит, — особого такого ничего мне не требуется.

— Нет, — говорит неизвестная дамочка, — я, — говорит, — что называется фея. Одним моментом что угодно мастерю.

Только видит Николай Иванович, что какой-то гражданин в серой паре внимательно к их разговору прислу-

шивается. А в открытые двери метрдотель бежит, а за ним еще какой-то субъект с папирской во рту.

“Что за черт! — думает Николай Иванович. — Известно что получается“.

А оно и действительно неизвестно что получается. Метрдотель по столам скачет, иностранцы ковры в трубочку закатывают, и вообще черт его знает! Кто во что горазд!

Выбежал Николай Иванович на улицу, даже шапку в раздевалке из хранения не взял, выбежал на улицу Лас-саля и сказал себе: “Ка же О! Камни внутрь опасно! И чего-чего только на свете не бывает! “

А придя домой, Николай Иванович так сказал жене своей:

— Не пугайтесь, Екатерина Петровна, и не волнуйтесь. Только нет в мире никакого равновесия. И ошибка-то всего на какие-нибудь полтора килограмма на всю вселенную, а все же удивительно, Екатерина Петровна, совершенно удивительно!

ВСЕ.

18 сентября 1934 года

КАРЬЕРА ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА АНТОНОВА

Это случилось еще до революции.

Одна купчиха зевнула, а к ней в рот залетела кукушка.

Купец прибежал на зов своей супруги и, моментально сообразив, в чем дело, поступил самым остроумным способом.

С тех пор он стал известен всему населению города, и его выбрали в сенат.

Но прослужив года четыре в сенате, несчастный купец однажды вечером зевнул, и ему в рот залетела кукушка.

На зов своего мужа прибежала купчиха и поступила самым остроумным способом.

Слава об ее находчивости распространилась по всей губернии, и купчиху повезли в столицу показать митрополиту.

Выслушивая длинный рассказ купчихи, митрополит зевнул, и ему в рот залетела кукушка.

На громкий зов митрополита прибежал Иван Яковлевич Григорьев и поступил самым остроумным способом.

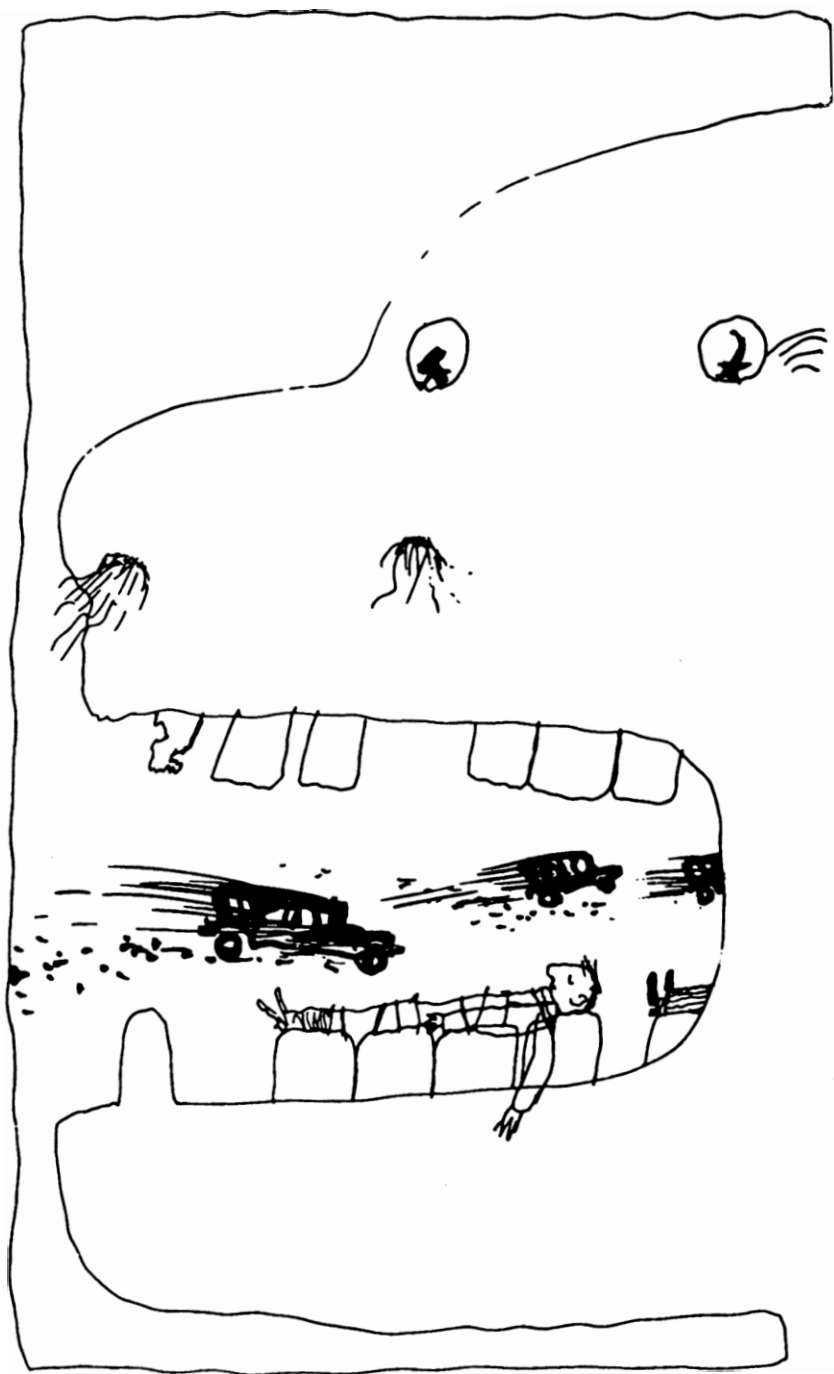
За это Ивана Яковлевича Григорьева переименовали в Ивана Яковлевича Антонова и представили царю.

И вот теперь становится ясным, каким образом Иван Яковлевич Антонов сделал себе карьеру.

8 января 1935 года

РЫЦАРЬ

Алексей Алексеевич Алексеев был настоящим рыцарем. Так, например, однажды, увидя из трамвая, как одна дама запнулась о тумбу и выронила из кошелки стеклянный колпак для настольной лампы, который тут же и разбился, Алексей Алексеевич, желая помочь этой даме, решил пожертвовать собой и, выскочив из трамвая на полном ходу, упал и раскроил себе о камень всю рожу. В другой раз, видя, как одна дама, перелезая через забор, зацепилась юбкой за гвоздь и застряла так, что, сидя верхом на заборе, не могла двинуться ни взад ни

вперед, Алексей Алексеевич начал так волноваться, что от волнения выдавил себе языком два передних зуба.

Одним словом, Алексей Алексеевич был самым настоящим рыцарем, да и не только по отношению к дамам. С небывалой легкостью Алексей Алексеевич мог пожертвовать своей жизнью за Веру, Царя и Отечество, что и доказал в 14-м году, в начале германской войны, с криком “За Родину!” выбросившись на улицу из окна третьего этажа. Каким-то чудом Алексей Алексеевич остался жив, отделавшись только несерьезными ушибами, и вскоре, как столь редкостно-ревностный патриот, был отослан на фронт.

На фронте Алексей Алексеевич отличался небывало возвышенными чувствами и всякий раз, когда произносил слова “стяг“, “фанфара“ или даже просто “эполеты“, по лицу его бежала слеза умиления.

В 16-м году Алексей Алексеевич был ранен в чресла и удален с фронта.

Как инвалид I категории Алексей Алексеевич не служил и, пользуясь свободным временем, излагал на бумаге свои патриотические чувства.

Однажды, беседуя с Константином Лебедевым, Алексей Алексеевич сказал свою любимую фразу: “Я пострадал за Родину и разбил свои чресла, но существую силой убеждения своего заднего подсознания“.

— И дурак! — сказал ему Константин Лебедев. — Наивысшую услугу родине окажет только ЛИБЕРАЛ.

Почему-то эти слова глубоко запали в душу Алексея Алексеевича, и вот в 17-м году он уже называет себя *либералом, чреслами своими пострадавшим за отчизну*.

Революцию Алексей Алексеевич воспринял с восторгом, несмотря даже на то, что был лишен пенсии. Некоторое время Константин Лебедев снабжал его тростниковым сахаром, шоколадом, консервированным салом и пшенной крупой. Но, когда Константин Лебедев вдруг неизвестно куда пропал, Алексею Алексеевичу пришлось

выйти на улицу и просить подаяния. Сначала Алексей Алексеевич протягивал руку и говорил: “Подайте, Христа ради, чреслами своими пострадавшему за родину“. Но это успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич заменил слово “родину“ словом “революцию“. Но и это успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич сочинил революционную песню и, завидя на улице человека, способного, по мнению Алексея Алексеевича, подать милостыню, делал шаг вперед и, гордо, с достоинством, откинув назад голову, начинал петь:

На баррикады
мы все пойдем!
За свободу
мы все покалечимся и умрем!

И лихо, по-польски притопнув каблуком, Алексей Алексеевич протягивал шляпу и говорил: “Подайте милостыню, Христа ради“. Это помогало, и Алексей Алексеевич редко оставался без пищи.

Все шло хорошо, но вот в 22-м году Алексей Алексеевич познакомился с неким Иваном Ивановичем Пузыревым, торговавшим на Сенном рынке подсолнечным маслом. Пузырев пригласил Алексея Алексеевича в кафе, угостил его настоящим кофеем и сам, чавкая пирожными, изложил ему какое-то сложное предприятие, из которого Алексей Алексеевич понял только, что и ему надо что-то делать, за что и будет получать от Пузырева ценнейшие продукты питания. Алексей Алексеевич согласился, и Пузырев тут же, в виде поощрения, передал ему под столом два цибика чая и пачку папирос “Раджа“.

С этого дня Алексей Алексеевич каждое утро приходил на рынок к Пузыреву и, получив от него какие-то бумаги с кривыми подписями и бесчисленными печатями, брал саночки, если это происходило зимой, или, если это происходило летом, тачку и отправлялся, по указанию Пузырева, по разным учреждениям, где, предъявив бумаги, получал какие-то ящики, которые грузил

на свои саночки, или тележку и вечером отвозил их Пузыреву на квартиру. Но однажды, когда Алексей Алексеевич подкатил свои саночки к пузыревской квартире, к нему подошли два человека, из которых один был в военной шинели, и спросили его: “Ваша фамилия — Алексеев?” Потом Алексея Алексеевича посадили в автомобиль и увезли в тюрьму.

На допросах Алексей Алексеевич ничего не понимал и все только говорил, что он пострадал за революционную родину. Но, несмотря на это, был приговорен к десяти годам ссылки в северные части своего отечества. Вернувшись в 28-м году обратно в Ленинград, Алексей Алексеевич занялся своим прежним ремеслом и, встав на углу пр. Володарского, закинул с достоинством голову, притопнул каблук и запел:

На баррикады
мы все пойдем!
За свободу
мы все покалечимся и умрем!

Но не успел он пропеть это и два раза, как был увезен в крытой машине куда-то по направлению к Адмиралтейству. Только его и видели.

Вот краткая повесть жизни доблестного рыцаря и патриота Алексея Алексеевича Алексеева.

(1934-1936)

ПРАЗДНИК

На крыше одного дома сидели два чертежника и ели гречневую кашу.

Вдруг один из чертежников радостно вскрикнул и достал из кармана длинный носовой платок. Ему пришла в

голову блестящая идея — завязать в кончик платка двадцатикопеечную монетку и швырнуть это все с крыши вниз на улицу, и посмотреть, что из этого получится.

Второй чертежник, быстро уловив идею первого, доел гречневую кашу, высморкался и, облистав себе пальцы, принялся наблюдать за первым чертежником.

Однако внимание обоих чертежников было отвлечено от опыта с платком и двадцатикопеечной монеткой. На крыше, где сидели оба чертежника, произошло событие, не могущее быть незамеченным.

Дворник Ибрагим приколачивал к трубе длинную палку с выцветшим флагом.

Чертежники спросили Ибрагима, что это значит, на что Ибрагим отвечал: “Это значит, что в городе праздник“. — “А какой же праздник, Ибрагим?“ — спросили чертежники.

“А праздник такой, что наш любимый поэт сочинил новую поэму“, — сказал Ибрагим.

И чертежники, устыженные своим незнанием, расправились в воздухе.

9 января 1935 года

НЕОЖИДАННАЯ ПОПОЙКА

Однажды Антонина Алексеевна ударила своего мужа служебной печатью и выпачкала ему лоб печатной краской.

Сильно оскорбленный Петр Леонидович, муж Антонины Алексеевны, заперся в ванной комнате и никого туда не пускал.

Однако жильцы коммунальной квартиры, имея сильную нужду пройти туда, где сидел Петр Леонидович, решились силой взломать запертую дверь.

Видя, что его дело проиграно, Петр Леонидович вышел из ванной комнаты и, пройдя к себе, лег на кровать.

Но Антонина Алексеевна решила преследовать своего мужа до конца. Она нарвала мелких бумажек и посыпала ими лежащего на кровати Петра Леонидовича.

Взбешенный Петр Леонидович выскочил в коридор и принялся там рвать обои.

Тут выбежали все жильцы и, видя, что делает несчастный Петр Леонидович, накинулись на него и разодрали на нем жилетку.

Петр Леонидович побежал в жакт.

В это время Антонина Алексеевна разделась догола и спряталась в сундук.

Через десять минут вернулся Петр Леонидович, ведя за собой управдома.

Не найдя жены в комнате, управдом и Петр Леонидович решили воспользоваться свободным помещением и выпить водочки. Петр Леонидович взялся сбегать за этим напитком на угол.

Когда Петр Леонидович ушел, Антонина Алексеевна вылезла из сундука и предстала в голом виде перед управдомом.

Потрясенный управдом вскочил со стула и подбежал к окну, но, видя мощное сложение молодой двадцатишестилетней женщины, вдруг пришел в дикий восторг.

Тут вернулся Петр Леонидович с литром водки.

Увидя, что творится в его комнате, Петр Леонидович нахмурил брови.

Но его супруга Антонина Алексеевна показала ему служебную печать, и Петр Леонидович успокоился.

Антонина Алексеевна высказала желание принять участие в попойке, но обязательно в голом виде да еще

вдобавок сидя на столе, на котором предполагалось разложить закуску к водке.

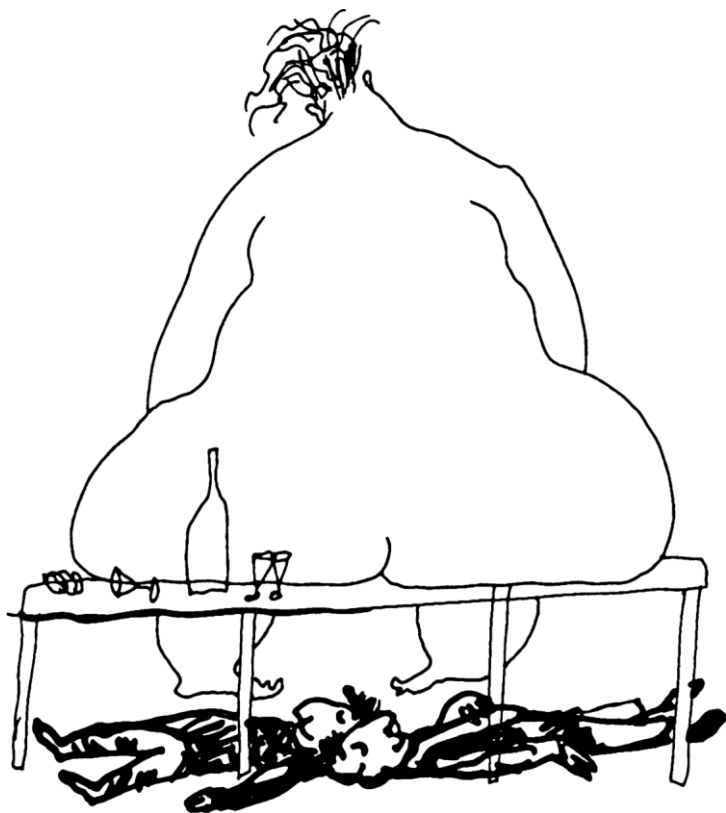
Мужчины сели на стулья, Антонина Алексеевна села на стол, и попойка началась.

Нельзя назвать это гигиеничным, если голая молодая женщина сидит на том же столе, где едят. К тому же Антонина Алексеевна была женщиной довольно полного сложения и не особенно чистоплотной, так что было вообще черт знает что.

Скоро, однако, все напились и заснули: мужчины на полу, а Антонина Алексеевна на столе.

И в коммунальной квартире водворилась тишина.

22 янв[аря] 1935 года

СУДЬБА ЖЕНЫ ПРОФЕССОРА

Однажды один профессор съел чего-то, да не то, и его начало рвать.

Пришла его жена и говорит: “Ты чего?” А профессор говорит: “Ничего”. Жена обратно ушла.

Профессор лег на диван, полежал, отдохнул и на службу пошел.

А на службе ему сюрприз: жалованье скостили — вместо 650 руб. всего только 500 оставили. Профессор туда-сюда — ничего не помогает. Профессор к директору, а директор его в шею. Профессор к бухгалтеру, а бухгалтер говорит: “Обратитесь к директору”. Профессор сел на поезд и поехал в Москву.

По дороге профессор схватил грипп. Приехал в Москву, а на платформу вылезти не может.

Положили профессора на носилки и отнесли в больницу.

Пролежал профессор в больнице не более четырех дней и умер.

Тело профессора сожгли в крематории, пепел положили в баночку и послали его жене.

Вот жена профессора сидит и кофе пьет. Вдруг звонок. Что такое? “Вам посылка”.

Жена обрадовалась, улыбается во весь рот, почтальону полтинник в руку сует и скорее посылку распечатывает.

Смотрит, а в посылке баночка с пеплом и записка: “Вот все, что осталось от Вашего супруга”.

Жена ничего понять не может, трясет баночку, на свет ее смотрит, записку шесть раз прочитала — наконец сообразила, в чем дело, и страшно расстроилась.

Жена профессора очень расстроилась, поплакала часа три и пошла баночку с пеплом хоронить. Завернула она

баночку в газету и отнесла в сад имени 1-й Пятилетки, бывший Таврический.

Выбрала жена профессора аллею поглуше и только хотела баночку в землю зарыть — вдруг идет сторож.

— Эй! — кричит сторож. — Ты чего тут делаешь?

Жена профессора испугалась и говорит:

— Да вот, хотела лягушек в баночку наловить.

— Ну, — говорит сторож, — это ничего, только смотри, по траве ходить воспрещается.

Когда сторож ушел, жена профессора зарыла баночку в землю, ногой вокруг притоптала и пошла по саду погулять.

А в саду к ней какой-то матрос пристал. Пойдем да пойдем, говорит, спать. Она говорит: “Зачем же днем спать?” А он свое: спать да спать.

И действительно, захотелось профессорше спать.

Идет она по улицам, а ей спать хочется. Вокруг люди бегут, какие-то синие да зеленые, — а ей все спать хочется.

Идет она и спит. И видит сон, будто идет к ней на встречу Лев Толстой и в руках ночной горшок держит. Она его спрашивает: “Что же это такое?” А он показывает ей пальцем на горшок и говорит: “Вот, — говорит, — тут я кое-что наделал, и теперь несу всему свету показывать. Пусть, — говорит, — все смотрят”.

Стала профессорша тоже смотреть и видит, будто это уже не Толстой, а сарай, а в сарае сидит курица.

Стала профессорша курицу ловить, а курица забилась под диван и оттуда уже кроликом выглядывает.

Ползла профессорша за кроликом под диван и проснулась.

Проснулась, смотрит: действительно, лежит она под диваном.

Вылезла профессорша из-под дивана, видит — комната ее собственная. А вот и стол стоит с недопитым кофе. На столе записка лежит: “Вот все, что осталось от Вашего супруга”.

Всплакнула профессорша еще раз и села холодный кофе допивать.

Вдруг звонок. Что такое? Входят какие-то люди и говорят: “Поедьте“.

— Куда? — спрашивает профессорша.

— В сумасшедший дом, — отвечают люди.

Профессорша начала кричать и упираться, но люди схватили ее и отвезли в сумасшедший дом.

И вот сидит совершенно нормальная профессорша на койке в сумасшедшем доме, держит в руках удочку и ловит на полу каких-то невидимых рыбок.

Эта профессорша только жалкий пример того, как много в жизни несчастных, которые занимают в жизни не то место, которое им занимать следовало.

21 августа 1936 года

КАССИРША

Нашла Маша гриб, сорвала его и принесла на рынок. На рынке Машу ударили по голове, да еще обещали ударить по ногам. Испугалась Маша и побежала прочь.

Прибежала Маша в кооператив и хотела там за кассу спрятаться. А заведующий увидел Машу и говорит: “Что это у тебя в руках?“ А Маша и говорит: “Гриб“. Заведующий говорит: “Ишь ты какая бойкая! Хочешь я тебя на место устрою?“ Маша говорит: “А не устроишь“. Заведующий говорит: “А вот устрою!“ И устроил Машу кассу вертеть.

Маша вертела, вертела кассу и вдруг умерла. Пришла милиция, составила протокол и велела заведующему заплатить штраф — 15 рублей.

Заведующий говорит: “За что же штраф?” А милиция говорит: “За убийство”. Заведующий испугался, заплатил штраф и говорит: “Унесите только поскорее эту мертвую кассиршу”. А продавец из фруктового отдела говорит: “Нет, это неправда, она была не кассирша. Она только ручку в кассе вертела. А кассирша вон сидит”. Милиция говорит: “Нам все равно. Сказано унести кассиршу, мы ее и унесем”.

Стала милиция к кассирше подходить. Кассирша легла на пол за кассу и говорит: “Не пойду”. Милиция говорит: “Почему же ты, дура, не пойдешь?” Кассирша говорит: “Вы меня живой похороните”.

Милиция стала кассиршу с пола поднимать, но никак поднять не может, потому что кассирша очень полная.

— Да вы ее за ноги, — говорит продавец из фруктового отдела.

— Нет, — говорит заведующий, — эта кассирша мне вместо жены служит. А потому прошу вас, не оголяйте ее снизу.

Кассирша говорит: “Вы слышите? Не смейте меня снизу оголять”.

Милиция взяла кассиршу под мышки волоком и выперла ее из кооператива.

Заведующий велел продавцам прибрать магазин и начать торговлю.

— А что мы будем делать с этой покойницей, — говорит продавец из фруктового отдела, показывая на Машу.

— Батюшки, — говорит заведующий, — да ведь мы все перепутали! Ну, действительно, что с покойницей делать?

— Кто за кассой сидеть будет? — спрашивает продавец. Заведующий за голову руками схватился. Раскидал коленом яблоки по прилавку и говорит:

— Безобразие получилось.

— Безобразие, — говорят хором продавцы.

Вдруг заведующий почесал усы и говорит: “Ха-ха! Не так-то легко меня в тупик поставить. Посадим покойни-

цу за кассу, может, публика и не разберет, кто за кассой сидит“.

Посадили покойницу за кассу, в зубы ей папироску вставили, чтобы она на живую больше походила, а в руки для правдоподобия дали ей гриб держать.

Сидит покойница за кассой, как живая, только цвет лица очень зеленый, а один глаз открыт, а другой совершенно закрыт.

— Ничего, — говорит заведующий, — сойдет.

А публика уже в двери стучится, волнуется: почему кооператив не открывают. Особенно одна хозяйка в шелковом мантио раскричалась: трясет кошелкой и каблуком в дверную ручку нацелилась. А за хозяйкой какая-то старушка с наволочкой на голове кричит, ругается и заведующего кооперативом называет сквалыжником.

Заведующий открыл двери и впустил публику. Публика побежала сразу в мясной отдел, а потом туда, где продается сахар и перец. А старушка сразу в рыбный отдел пошла, но по дороге взглянула на кассиршу и остановилась.

— Господи, — говорит, — с нами крестная сила!

А хозяйка в шелковом мантио уже во всех отделах побывала и несется к кассе. Но только на кассиршу взглянула, сразу остановилась, стоит молча и смотрит. А продавцы тоже молчат и смотрят на заведующего. А заведующий из-за прилавка выглядывает и ждет, что дальше будет.

Хозяйка в шелковом мантио повернулась к продавцам и говорит:

— Это кто у вас за кассой сидит?

А продавцы молчат, потому что не знают, что ответить.

Заведующий тоже молчит.

А тут народ со всех сторон сбежался. Уже на улице толпа. Появились дворники. Раздались свистки. Одним словом, настоящий скандал.

Толпа готова была хоть до самого вечера стоять около кооператива. Но кто-то сказал, что в Фонарном переулке из окна старухи вываливаются. Тоша толпа возле кооператива поредела, потому что многие перешли в Фонарный переулок.

31 августа 1936

ОТЕЦ И ДОЧЬ

Было у Наташи две конфеты. Потом она одну конфету съела, и осталась одна конфета. Наташа положила конфету перед собой на стол и заплакала.

Вдруг смотрит — лежат перед ней на столе опять две конфеты.

Наташа съела одну конфету и опять заплакала.

Наташа плачет, а сама одним глазом на стол смотрит, не появилась ли вторая конфета. Но вторая конфета не появлялась.

Наташа перестала плакать и начала петь. Пела, пела и вдруг умерла.

Пришел Наташин папа, взял Наташу и отнес ее к управдому.

— Вот, — говорит Наташин папа, — засвидетельствуйте смерть.

Управдом подул на печать и приложил ее к Наташину лбу.

— Спасибо, — сказал Наташин папа и понес Наташу на кладбище.

А на кладбище был сторож Матвей, он всегда сидел у ворот и никого на кладбище не пускал, так что покойников приходилось хоронить прямо на улице.

Похоронил папа Наташу на улице, снял шапку, положил ее на то место, где зарыл Наташу, и пошел домой.

Пришел домой, а Наташа уже дома сидит. Как так? Да очень просто: вылезла из-под земли и домой прибежала.

Вот так штука! Папа так растерялся, что упал и умер.

Позвала Наташа управдома и говорит:

— Засвидетельствуйте смерть.

Управдом подул на печать и приложил ее к листику бумаги, а потом на этом же листике бумаги написал: “Сим удостоверяется, что такой-то действительно умер”.

Взяла Наташа бумажку и понесла ее на кладбище хоронить. А сторож Матвей говорит Наташе:

— Ни за что не пушу.

Наташа говорит:

— Мне бы только эту бумажку похоронить.

А сторож говорит:

— Лучше и не проси.

Зарыла Наташа бумажку на улице, положила на то место, где зарыла бумажку, свои носочки и пошла домой.

Приходит домой, а папа уже дома сидит и сам с собой на маленьком бильярдыке с металлическими шариками играет.

Наташа удивилась, но ничего не сказала и пошла к себе в комнату расти.

Росла, росла и через четыре года стала взрослой бабышкой. А Наташин папа состарился и согнулся. Но оба как вспомнят, как они друг друга за покойников приняли, так повалятся на диван и смеются. Другой раз минут двадцать смеются.

А соседи, как услышат смех, так сразу одеваются и в кинематограф уходят. А один раз ушли так и больше уже не вернулись. Кажется, под автомобиль попали.

1 сентября 1936 года

НОВЫЕ АЛЬПИНИСТЫ

Бибиков залез на гору, задумался и свалился под гору. Чеченцы подняли Бибикова и опять поставили на гору. Бибиков поблагодарил чеченцев и опять свалился под откос. Только его и видели.

Теперь на гору залез Аугенапфель, посмотрел в бинокль и увидел всадника.

— Эй! — закричал Аугенапфель. — Где тут поблизости духан?

Всадник скрылся за горой, потом показался возле кустов, потом скрылся за кустами, потом показался в долине, потом скрылся под горой, потом показался на склоне горы и подъехал к Аугенапфелю.

— Где тут поблизости духан? — спросил Аугенапфель.

Всадник показал себе на уши и на рот.

— Ты что, глухонемой? — спросил Аугенапфель.

Всадник почесал затылок и показал себе на живот.

— Что такое? — спросил Аугенапфель.

Всадник вынул из кармана деревянное яблоко и раскусил его пополам.

Тут Аугенапфелю стало не по себе, и он начал плясать.

А всадник снял с ноги сапог да как крикнет:

— Хал-галлай!

Аугенапфель скакнул куда-то вбок и свалился под откос.

В это время Бибиков, вторично свалившийся под откос еще раньше Аугенапфеля, пришел в себя и начал подниматься на четвереньки. Вдруг чувствует, на него сверху кто-то падает. Бибиков отполз в сторону, посмотрел

рел оттуда и видит: лежит какой-то гражданин в клетчатых брюках. Бибиков сел на камушек и стал ждать.

А гражданин в клетчатых брюках полежал, не двигаясь, часа четыре, а потом поднял голову и спрашивает неизвестно кого:

— Это чей духан?

— Какой там духан! Это не духан, — отвечает Бибиков.

— А вы кто такой? — спрашивает человек в клетчатых брюках.

— Я альпинист Бибиков. А вы кто?

— А я альпинист Аугенапфель.

Таким образом Бибиков и Аугенапфель познакомились друг с другом.

1—2 сентября 1936 года

ПАССАКАЛИЯ № 1

Тихая вода покачивалась у моих ног.

Я смотрел в темную воду и видел небо.

Тут, на этом самом месте, Лигудин скажет мне формулу построения несуществующих предметов.

Я буду ждать до пяти часов, и если Лигудин за это время не покажется среди тех деревьев, я уйду. Мое ожидание становится обидным. Вот уже два с половиной часа стою я тут, и тихая вода покачивается у моих ног.

Я сунул в воду палку, и вдруг под водой кто-то схватил мою палку и дернул. Я выпустил палку из рук, и деревянная палка ушла под воду с такой быстротой, что даже свистнула.

Растерянный и испуганный, стоял я около воды.

Лигудин пришел ровно в пять. Это было ровно в пять, потому что на том берегу промчался поезд: ежедневно, ровно в пять, он пролетает мимо того домика.

Лигудин спросил меня, почему я так бледен. Я сказал. Прошло четыре минуты, в течение которых Лигудин смотрел в темную воду. Потом он сказал: “Это не имеет формулы. Такими вещами можно пугать детей, но для нас это не интересно. Мы не собиратели фантастических сюжетов. Нашему сердцу милы только бессмысленные поступки. Народное творчество и Гофман противны нам. Частокол стоит между нами и подобными загадочными случаями”.

Лигудин повертел головой во все стороны и, пятясь, вышел из поля моего зрения.

10 ноября 1937

ГРЯЗНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Сенька стукнул Федьку по морде и спрятался под комод.

Федька достал кочергой Сеньку из-под комода и оторвал ему правое ухо.

Сенька вывернулся из рук Федьки и с оторванным ухом в руках побежал к соседям.

Но Федька догнал Сеньку и двинул его сахарницей по голове. Сенька упал и, кажется, умер.

Тогда Федька уложил вещи в чемодан и уехал во Владивосток.

Во Владивостоке Федька стал портным: собственно говоря, он стал не совсем портным, потому что шил только дамское белье, преимущественно панталоны и

бюстгальтеры. Дамы не стеснялись Федьки, прямо при нем поднимали свои юбки, и Федька снимал с них мерку.

Федька, что называется, насмотрелся видов.

Федька — грязная личность.

Федька — убийца Сеньки.

Федька — сладострастник.

Федька — обжора, потому что он каждый вечер съедал по двенадцать котлет. У Федьки вырос такой живот, что он сделал себе корсет и стал его носить.

Федька — бессовестный человек: он отнимал на улице у встречаемых детей деньги, он подставлял старичкам подножку и пугал старух, заноса над ними руку, а когда испуганная старуха шарахалась в сторону, Федька делал вид, что поднял руку только для того, чтобы почесать себе голову.

Кончилось тем, что к Федьке подошел Николай, стукнул его по морде и спрятался под шкаф.

Федька достал Николая из-под шкапа кочергой и разорвал ему рот.

Николай с разорванным ртом побежал к соседям, но Федька догнал его и ударил его пивной кружкой. Николай упал и умер.

А Федька собрал свои вещи и уехал из Владивостока.

21 ноября 1937

СЛУЧАИ

*Посвящаю
Марине Владимировне Малин*

(1) ГОЛУБАЯ ТЕТРАДЬ N10

Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно.

Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было.

У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было! Так что непонятно, о ком идет речь.

Уж лучше мы о нем не будем больше говорить.

(1937)

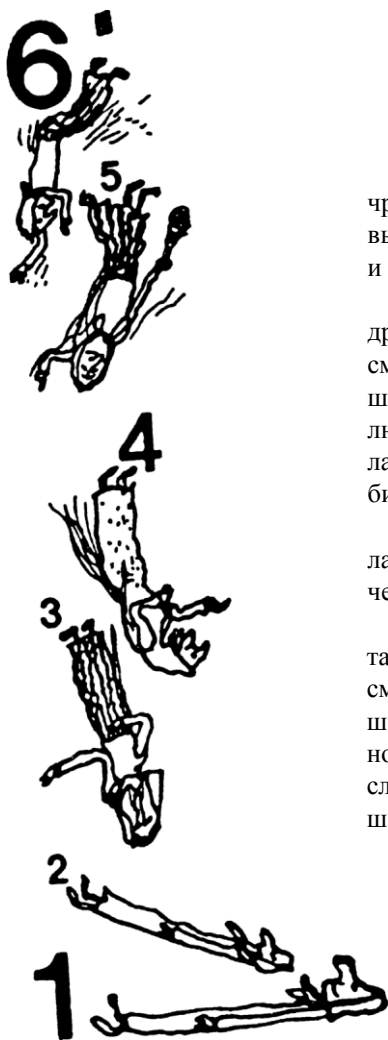
(2) СЛУЧАИ

Однажды Орлов объелся толченым горохом и умер. А Крылов, узнав об этом, тоже умер. А Спиридонов умер сам собой. А жена Спиридонова упала с буфета и тоже умерла. А дети Спиридонова утонули в пруду. А бабушка Спиридонова спилась и пошла по дорогам. А Михайлов перестал причесываться и заболел паршой. А Круглов нарисовал даму с кнутом в руках и сошел с ума. А Перекрестов получил телеграфом четыреста рублей и так заважничал, что его вытолкали со службы.

Хорошие люди и не умеют поставить себя на твердую ногу.

(1933)

(3) ВЫВАЛИВАЮЩИЕСЯ СТАРУХИ

Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась.

Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась.

Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвертая, потом пятая.

Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошел на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.

(4) СОНЕТ

Удивительный случай случился со мной: я вдруг позабыл, что идет раньше, 7 или 8.

Я отправился к соседям и спросил их, что они думают по этому поводу.

Каково же было их и мое удивление, когда они вдруг обнаружили, что тоже не могут вспомнить порядок счета. 1,2,3,4,5 и 6 помнят, а дальше забыли.

Мы все пошли в коммерческий магазин “Гастроном“, что на углу Знаменской и Бассейной улицы, и спросили кассиршу о нашем недоумении. Кассирша грустно улыбнулась, вынула изо рта маленький молоточек и, слегка подвигав носом, сказала: “По-моему, семь идет после восьми в том случае, когда восемь идет после семи“.

Мы поблагодарили кассиршу и с радостью выбежали из магазина. Но тут, вдумываясь в слова кассирши, мы опять приуныли, так как ее слова показались нам лишними всякого смысла.

Что нам было делать? Мы пошли в Летний сад и стали там считать деревья. Но, дойдя в счете до 6-ти, мы остановились и начали спорить: по мнению одних, дальше следовало 7, по мнению других — 8.

Мы спорили бы очень долго, но, по счастью, тут со скамейки свалился какой-то ребенок и сломал себе обе челюсти. Это отвлекло нас от нашего спора.

А потом мы разошлись по домам.

(1935)

(5) ПЕТРОВ и КАМАРОВ

Петров:

Эй, Камаров!

Давай ловить комаров!

Камаров:

Нет, я к этому еще не готов;

Давай лучше ловить котов!

(6) ОПТИЧЕСКИЙ ОБМАН

Семен Семенович, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семенович, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит.

Семен Семенович, надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семенович, сняв очки, опять видит, что на сосне никто не сидит.

Семен Семенович, опять надев очки, смотрит на со-
сну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показы-
вает ему кулак.

Семен Семенович не желает верить в это явление и
считает это явление оптическим обманом.

(1934)

(7) ПУШКИН и ГОГОЛЬ

Гоголь падает из-за кулис на сцену и смирно ле-
жит.

ПУШКИН (Выходит, спотыкается об Гоголя и пада-
ет): Вот черт! Никак об Гоголя!

ГОГОЛЬ (поднимаясь): Мерзопакость какая! Отдох-
нуть не дадут. (Идет, спотыкается об Пушкина и пада-
ет.) Никак об Пушкина спотыкнулся!

ПУШКИН (поднимаясь): Ни минуты покоя! (Идет,

спотыкается об Гоголя и падает.) Вот черт! Никак опять об Гоголя!

ГОГОЛЬ (поднимаясь): Вечно во всем помеха! (Идет, спотыкается об Пушкина и падает.) Вот мерзопакость! Опять об Пушкина!

ПУШКИН (поднимаясь): Хулиганство! Сплошное хулиганство! (Идет, спотыкается об Гоголя и падает.) Вот черт! Опять об Гоголя!

ГОГОЛЬ (поднимаясь): Это издевательство сплошное! (Идет, спотыкается об Пушкина и падает.) Опять об Пушкина!

ПУШКИН (поднимаясь): Вот черт! Истинно, что черт! (Идет, спотыкается об Гоголя и падает.) Об Гоголя!

ГОГОЛЬ (поднимаясь): Мерзопакость! (Идет, спотыкается об Пушкина и падает.) Об Пушкина!

ПУШКИН (поднимаясь): Вот черт! (Идет, спотыкается об Гоголя и падает за кулисы.) Об Гоголя!

ГОГОЛЬ (поднимаясь): Мерзопакость! (Уходит за кулисы.)

За сценой слышен голос Гоголя: “Об Пушкина!”

Занавес

(1934)

(8) СТОЛЯР КУШАКОВ

Жил-был столяр. Звали его Кушаков.

Однажды вышел он из дома и пошел в лавочку купить столярного клея.

Была оттепель, и на улице было очень скользко.

Столяр прошел несколько шагов, поскользнулся, упал и расшиб себе лоб.

— Эх! — сказал столяр, встал, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил себе лоб.

Но когда он вышел на улицу и сделал несколько шагов, он опять поскользнулся, упал и расшиб себе нос.

— Фу! — сказал столяр, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил пластырем себе нос.

Потом он опять вышел на улицу, опять поскользнулся, упал и расшиб себе щеку.

Пришлось опять пойти в аптеку и заклеить пластырем щеку.

— Вот что, — сказал столяру аптекарь, — вы так часто падаете и расшибаетесь, что я советую вам купить пластырей несколько штук.

— Нет, — сказал столяр, — больше не упаду!

Но когда он вышел на улицу, то опять поскользнулся, упал и расшиб себе подбородок.

— Паршивая гололедица! — закричал столяр и опять побежал в аптеку.

— Ну вот видите, — сказал аптекарь. — Вот вы опять упали.

— Нет! — закричал столяр. — Ничего слышать не хочу! Давайте скорее пластырь!

Аптекарь дал пластырь; столяр заклеил себе подбородок и побежал домой.

А дома его не узнали и не пустили в квартиру.

— Я столяр Кушаков! — кричал столяр.

— Рассказывай! — отвечали из квартиры и заперли дверь на крюк и на цепочку.

Столяр Кушаков постоял на лестнице, плюнул и пошел на улицу.

(9) СУНДУК

Человек с тонкой шеей забрался в сундук, закрыл за собой крышку и начал задыхаться.

— Вот, — говорил, задыхаясь, человек с тонкой шеей, — я задыхаюсь в сундуке, потому что у меня тонкая шея. Крышка сундука закрыта и не пускает ко мне воздуха. Я буду задыхаться, но крышку сундука все равно не открою. Постепенно я буду умирать. Я увижу борьбу жизни и смерти. Бой произойдет неестественный, при равных шансах, потому что естественно побеждает смерть, а жизнь, обреченная на смерть, только тщетно борется с врагом, до последней минуты не теряя напрас-

ной надежда. В этой же борьбе, которая произойдет сейчас, жизнь будет знать способ своей победы: для этого жизни надо заставить мои руки открыть крышку сундука. Посмотрим: кто кого? Только вот ужасно пахнет нафталином. Если победит жизнь, я буду вещи в сундуке пересыпать махоркой... Вот началось: я больше не могу дышать. Я погиб, это ясно! Мне уже нет спасения! И ничего возвышенного нет в моей голове. Я задыхаюсь!..

Ой! что же это такое? Сейчас что-то произошло, но я не могу понять, что именно. Я что-то видел или что-то слышал!..

Ой! опять что-то произошло! Боже мой! Мне нечем дышать. Я, кажется, умираю...

А это еще что такое? Почему я пою? Кажется, у меня болит шея... Но где же сундук? Почему я вижу все, что находится у меня в комнате? Да никак я лежу на полу! А где же сундук?

Человек с тонкой шеей поднялся с пола и посмотрел кругом. Сундука нигде не было. На стульях и на кровати лежали вещи, вынутые из сундука, а сундука нигде не было.

Человек с тонкой шеей сказал:

— Значит, жизнь победила смерть неизвестным для меня способом.

(10) СЛУЧАЙ С ПЕТРАКОВЫМ

Вот однажды Петраков хотел спать лечь, да лег мимо кровати. Так он об пол ударился, что лежит на полу и встать не может.

Вот Петраков собрал последние силы и встал на четвереньки. А силы его покинули, и он опять упал на живот и лежит.

Лежал Петраков на полу часов пять. Сначала просто так лежал, а потом заснул.

Сон подкрепил силы Петракова. Он проснулся совершенно здоровым, встал, прошелся по комнате и лег осторожно на кровать. “Ну, — думает, — теперь посплю”.

А спать-то уже и не хочется. Ворочается Петраков с боку на бок и никак заснуть не может.

Вот, собственно, и все.

(11) ИСТОРИЯ ДЕРУЩИХСЯ

Алексей Алексеевич подмял под себя Андрея Карловича и, набив ему морду, отпустил его.

Андрей Карлович, бледный от бешенства, кинулся на Алексея Алексеевича и ударил его по зубам.

Алексей Алексеевич, не ожидая такого быстрого нападения, повалился на пол, а Андрей Карлович сел на него верхом, вынул у себя изо рта вставную челюсть и так обработал ею Алексея Алексеевича, что Алексей Алексеевич поднялся с полу с совершенно искалеченным лицом и рваной ноздрей. Держась руками за лицо, Алексей Алексеевич убежал.

А Андрей Карлович протер свою вставную челюсть, вставил ее себе в рот, пощелкал зубами и, убедившись, что челюсть пришлась на место, осмотрелся вокруг и, не видя Алексея Алексеевича, пошел его разыскивать.

(1936)

(12) СОН

Калугин заснул и увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калугин проснулся, почесал рот и опять заснул, и опять увидел сон, будто он идет мимо кустов, а в кустах притаился и сидит милиционер.

Калугин проснулся, положил под голову газету, чтобы не мочить слюнями подушку, и опять заснул, и опять увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калугин проснулся, переменял газету, лег и заснул опять. Заснул и опять увидел сон, будто он идет мимо кустов, а в кустах сидит милиционер.

Тут Калугин проснулся и решил больше не спать, но моментально заснул и увидел сон, будто он сидит за милиционером, а мимо проходят кусты.

Калугин закричал и заметался в кровати, но проснуться уже не мог.

Калугин спал четыре дня и четыре ночи подряд и на пятый день проснулся таким тощим, что сапоги пришлось подвязывать к ногам веревочкой, чтобы они не сваливались. В булочной, где Калугин всегда покупал пшеничный хлеб, его не узнали и подсунули ему полужаной.

А санитарная комиссия, ходя по квартирам и увидя Калугина, нашла его антисанитарным и никуда не годным и приказала жакту выкинуть Калугина вместе с сором.

Калугина сложили пополам и выкинули его как сор.

(13) МАТЕМАТИК И АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ

МАТЕМАТИК (вынимая из головы шар):

Я вынул из головы шар.

Я вынул из головы шар.

Я вынул из головы шар.

Я вынул из головы шар.

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ:

Положь его обратно.

Положь его обратно.

Положь его обратно.

Положь его обратно.

МАТЕМАТИК:

Нет, не положу!

Нет, не положу!

Нет, не положу!

Нет, не положу!

Нет, не положу!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ:

Ну и не клади.

Ну и не клади.

Ну и не клади.

МАТЕМАТИК:

Вот и не положу!
Вот и не положу!
Вот и не положу!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ:

Ну и ладно.
Ну и ладно.
Ну и ладно.

МАТЕМАТИК:

Вот я и победил!
Вот я и победил!
Вот я и победил!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ: Ну победил и успокойся!

МАТЕМАТИК:

Нет, не успокоюсь!
Нет, не успокоюсь!
Нет, не успокоюсь!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ: Хотя ты и математик, а, честное слово, ты не умен.

МАТЕМАТИК:

Нет, умен и знаю очень много!
Нет, умен и знаю очень много!
Нет, умен и знаю очень много!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ: Много, да только все ерунду.

МАТЕМАТИК:

Нет, не ерунду!
Нет, не ерунду!
Нет, не ерунду!

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ: Надоело мне с тобой препираться!

МАТЕМАТИК:

Нет, не надоело!
Нет, не надоело!
Нет, не надоело!

Андрей Семенович досадливо машет рукой и уходит. Математик, постояв минуту, уходит вслед за Андреем Семеновичем.

Занавес

(1933)

(14) МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, УДИВИВШИЙ СТОРОЖА

— Ишь ты! — сказал сторож, рассматривая муху. — Ведь если помазать ее столярным клеем, то ей, пожалуй, и конец придет. Вот ведь история! От простого клея!

— Эй ты, леший! — окрикнул сторожа молодой человек в желтых перчатках.

Сторож сразу же понял, что это обращаются к нему, но продолжал смотреть на муху.

— Не тебе, что ли, говорят? — крикнул опять молодой человек. — Скотина!

Сторож раздавил муху пальцем и, не поворачивая головы к молодому человеку, сказал:

— А ты чего, срамник, орешь-то? Я и так слышу. Нечего орать-то!

Молодой человек почистил перчатками свои брюки и деликатным голосом спросил:

— Скажите, дедушка, как тут пройти на небо?

Сторож посмотрел на молодого человека, прищурил один глаз, потом прищурил другой, потом почесал себе бородку, еще раз посмотрел на молодого человека и сказал:

— Ну, нечего тут задерживаться, проходите мимо.

— Извините, — сказал молодой человек, — ведь я по срочному делу. Там для меня уже и комната приготовлена.

— Ладно, — сказал сторож, — покажи билет.

— Билет не у меня; они говорили, что меня и так пропустят, — сказал молодой человек, заглядывая в лицо сторожу.

— Ишь ты! — сказал сторож.

— Так как же? — спросил молодой человек. — Пропустите?

— Ладно, ладно, — сказал сторож. — Идите.

— А как пройти-то? Куда? — спросил молодой человек. — Ведь я и дороги-то не знаю.

— Вам куда нужно? — спросил сторож, делая строгое лицо.

Молодой человек прикрыл рот ладонью и очень тихо сказал:

— На небо!

Сторож наклонился вперед, подвинул правую ногу, чтобы встать потверже, пристально посмотрел на молодого человека и сурово спросил:

— Ты чего? Ваньку валяешь?

Молодой человек улыбнулся, поднял руку в желтой перчатке, помахал ею над головой и вдруг исчез.

Сторож понюхал воздух. В воздухе пахло жжеными перьями.

— Ишь ты! — сказал сторож, распахнул куртку, почесал себе живот, плюнул в то место, где стоял молодой человек, и медленно пошел в свою сторожку.

(1936)

(15) ЧЕТЫРЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ТОГО, КАК НОВАЯ ИДЕЯ ОГОРАШИВАЕТ ЧЕЛОВЕКА, К НЕЙ НЕ ПОДГОТОВЛЕННОГО

1

ПИСАТЕЛЬ: Я писатель.

ЧИТАТЕЛЬ: А по-моему, ты г...о!

Писатель стоит несколько минут потрясенный этой новой идеей и падает замертво. Его выносят.

2

ХУДОЖНИК: Я художник.

РАБОЧИЙ: А по-моему, ты г...о!

Художник тут же побледнел как полотно,
И как тростинка закачался,
И неожиданно скончался.
Его выносят.

3

КОМПОЗИТОР: Я композитор.

ВАНЯ РУБЛЕВ: А по-моему, ты ...!

Композитор, тяжело дыша, так и осел. Его неожиданно выносят.

4

ХИМИК: Я химик.

ФИЗИК: А по-моему, ты ...!

Химик не сказал больше ни слова и тяжело рухнул на пол.

(16) ПОТЕРИ

Андреевич Мясов купил на рынке фитиль и понес его домой.

По дороге Андрей Андреевич потерял фитиль и зашел в магазин купить полтораста грамм полтавской колбасы. Потом Андрей Андреевич зашел в молокосоюз и купил бутылку кефира, потом выпил в ларьке маленькую кружечку хлебного кваса и встал в очередь за газетой. Очередь была довольно длинная, и Андрей Андреевич простоял в очереди не менее двадцати минут, но когда он подходил к газетчику, то газеты перед самым его носом кончились.

Андрей Андреевич потоптался на месте и пошел домой, но по дороге потерял кефир и завернул в булочную, купил французскую булку, но потерял полтавскую колбасу.

Тогда Андрей Андреевич пошел прямо домой, но по дороге упал, потерял французскую булку и сломал свое пенсне.

Домой Андрей Андреевич пришел очень злой и сразу лег спать, но долго не мог заснуть, а когда заснул, то увидел сон: будто он потерял зубную щетку и чистит зубы каким-то подсвечником.

(17) МАКАРОВ И ПЕТЕРСЕН

№ 3

МАКАРОВ: Тут, в этой книге, написано о наших желаниях и об исполнении их. Прочти эту книгу, и ты поймешь, как суетны наши желания. Ты также поймешь, как легко исполнить желание другого и как трудно исполнить желание свое.

ПЕТЕРСЕН: Ты что-то заговорил больно торжественно. Так говорят вожди индейцев.

МАКАРОВ: Эта книга такова, что говорить о ней надо возвышенно. Даже думая о ней, я снимаю шапку.

ПЕТЕРСЕН: А руки моешь, прежде чем коснуться этой книги?

МАКАРОВ: Да, и руки надо мыть.

ПЕТЕРСЕН: Ты и ноги, на всякий случай, вымыл бы!

МАКАРОВ: Это неостроумно и грубо.

ПЕТЕРСЕН: Да что же это за книга?

МАКАРОВ: Название этой книга таинственно...

ПЕТЕРСЕН: Хи-хи-хи!

МАКАРОВ: Называется эта книга МАЛГИЛ.

Петерсен исчезает.

МАКАРОВ: Господи! Что же это такое? Петерсен!

ГОЛОС ПЕТЕРСЕНА: Что случилось? Макаров! Где я?

МАКАРОВ: Где ты? Я тебя не вижу!

ГОЛОС ПЕТЕРСЕНА: А ты где? Я тоже тебя не вижу!.. Что это за шары?

МАКАРОВ: Что же делать? Петерсен, ты слышишь меня?

ГОЛОС ПЕТЕРСЕНА: Слышу! Но что такое случилось? И что это за шары?

МАКАРОВ: Ты можешь двигаться?

ГОЛОС ПЕТЕРСЕНА: Макаров! Ты видишь эти шары?

МАКАРОВ: Какие шары?

ГОЛОС ПЕТЕРСЕНА: Пустите!.. Пустите меня!..
Макаров!..

Тихо. Макаров стоит в ужасе, потом хватается книгу и раскрывает ее.

МАКАРОВ (читает): “...Постепенно человек теряет свою форму и становится шаром. И, став шаром, человек утрачивает все свои желания”.

Занавес

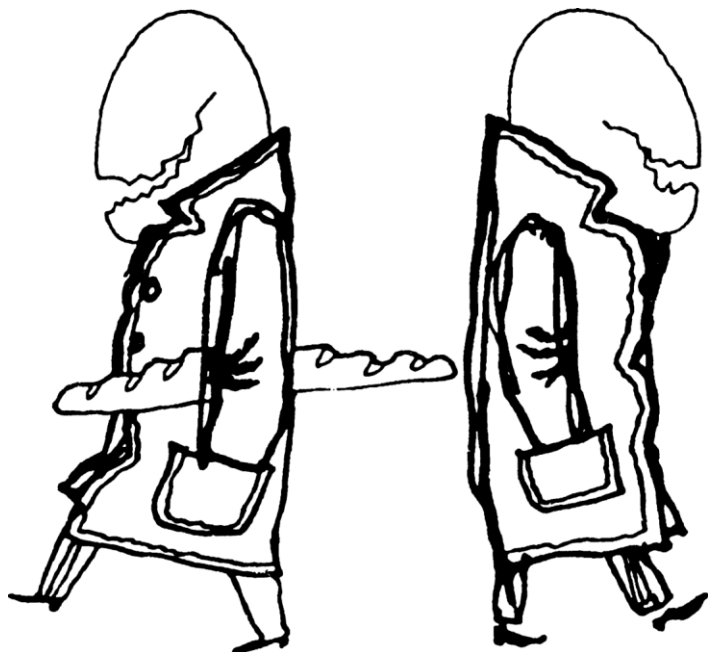
(1934)

(18) СУД ЛИНЧА

Петров садится на коня и говорит, обращаясь к толпе, речь о том, что будет, если на месте, где находится общественный сад, будет построен американский небоскреб. Толпа слушает и, видимо, соглашается. Петров записывает что-то у себя в записной книжечке. Из толпы выделяется человек среднего роста и спрашивает Петрова, что он записал у себя в записной книжечке. Петров отвечает, что это касается только его самого. Человек среднего роста наседает. Слово за слово, и начинается распря. Толпа принимает сторону человека среднего роста, и Петров, спасая свою жизнь, погоняет коня и скрывается за поворотом. Толпа волнуется и, за неимением другой жертвы, хватается человека среднего роста и отрывает ему голову. Оторванная голова катится по мостовой и застревает в люке для водостока. Толпа, удовлетворив свои страсти, — расходится.

(19) ВСТРЕЧА

Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси.

Вот, собственно, и все.

(20) НЕУДАЧНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

На сцену выходит ПЕТРАКОВ-ГОРБУНОВ, хочет что-то сказать, но икает. Его начинает рвать. Он уходит.

Выходит ПРИТЫКИН.

ПРИТЫКИН: Уважаемый Петраков-Горбунов должен сооб... (Его рвет, и он убегает.)

Выходит МАКАРОВ.

МАКАРОВ: Егор... (Макарова рвет. Он убегает.)

Выходит СЕРПУХОВ.

СЕРПУХОВ: Чтобы не быть... (Его рвет, он убегает.)
Выходит КУРОВА.

КУРОВА: Я была бы... (Ее рвет, она убегает.)

Выходит МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА.

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА: Папа просил передать вам всем, что театр закрывается. Нас всех тошнит!

Занавес

(21) ТЮК!

Лето. Письменный стол. Направо дверь. На стене картина. На картине нарисована лошадь, а в зубах у лошади цыган. ОЛЬГА ПЕТРОВНА колет дрова. При каждом ударе с носа Ольги Петровны соскакивает пенсне. ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ сидит в креслах и курит.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (ударяет колуном по полену, которое, однако, нисколько не раскалывается).

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ: Тюк!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (надевая пенсне, бьет по полену).

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ: Тюк!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (надевая пенсне, бьет по полену).

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ: Тюк!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (надевая пенсне, бьет по полену).

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ: Тюк!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (надевая пенсне): Евдоким Осипович! Я вас прошу: не говорите этого слова “тюк”.

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ: Хорошо, хорошо.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (ударяет колуном по полену).

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ: Тюк!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (надевая пенсне): Евдоким Осипович! Вы обещали мне не говорить этого слова “тюк”!

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ: Хорошо, хорошо, Ольга Петровна! Больше не буду.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (ударяет колуном по полену).

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ: Тюк!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (надевая пенсне): Это безобразие! Взрослый, пожилой человек — и не понимает простой человеческой просьбы!

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ: Ольга Петровна! Вы можете спокойно продолжать вашу работу. Я больше мешать не буду.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА: Ну, я прошу вас, я очень прошу вас: дайте мне расколоть хотя бы это полено!

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ: Колите, конечно, колите!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (ударяет колуном по полену).

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ: Тюк!

Ольга Петровна роняет колун, открывает рот, но ничего не может сказать.

Евдоким Осипович встает с кресел, оглядывает Ольгу Петровну с головы до ног и медленно уходит. Ольга Петровна стоит неподвижно с открытым ртом и смотрит на удаляющегося Евдокима Осиповича.

Занавес медленно опускается

(22) ЧТО ТЕПЕРЬ ПРОДАЮТ В МАГАЗИНАХ

Каратыгин пришел к Тикакееву и не застал его дома.

А Тикакеев в это время был в магазине и покупал там сахар, мясо и огурцы.

Коратыгин потолкался возле дверей Тикакеева и собрался уже писать записку, вдруг смотрит, идет сам Тикакеев и несет в руках клеенчатую кошелку.

Коратыгин увидел Тикакеева и кричит ему:

— А я вас уже целый час жду!

— Неправда, — говорит Тикакеев, — я всего двадцать пять минут как из дома.

— Ну, уж этого я не знаю, — сказал Коратыгин, — а только я тут уже целый час.

— Не врите! — сказал Тикакеев. — Стыдно врать.

— Милостивейший государь! — сказал Коратыгин. — Потрудитесь выбирать выражения.

— Я считаю... — начал было Тикакеев, но его перебил Коратыгин:

— Если вы считаете... — сказал он, но тут Коратыгин перебил Тикакеева и сказал:

— Сам-то ты хорош!

Эти слова так взбесили Коратыгина, что он зажал пальцем одну ноздрю, а другой ноздрей сморкнулся в Тикакеева.

Тогда Тикакеев выхватил из кошелки самый большой огурец и ударил им Коратыгина по голове.

Коратыгин схватился руками за голову, упал и умер.

Вот какие большие огурцы продают теперь в магазинах!

(23) МАШКИН УБИЛ КОШКИНА

Товарищ Кошкин танцевал вокруг товарища Машкина.

Товарищ Машкин следил глазами за товарищем Кошкиным.

Товарищ Кошкин оскорбительно махал руками и противно выворачивал ноги.

Товарищ Машкин нахмурился.

Товарищ Кошкин пошевелил животом и притопнул правой ногой.

Товарищ Машкин вскрикнул и кинулся на товарища Кошкина.

Товарищ Кошкин попробовал убежать, но спотыкнулся и был настигнут товарищем Машкиным.

Товарищ Машкин ударил кулаком по голове товарища Кошкина.

Товарищ Кошкин вскрикнул и упал на четвереньки.

Товарищ Машкин двинул товарища Кошкина ногой под живот и еще раз ударил его кулаком по затылку.

Товарищ Кошкин растянулся на полу и умер.

Машкин убил Кошкина.

(24) СОН ДРАЗНИТ ЧЕЛОВЕКА

Марков снял сапоги и, вздохнув, лег на диван.

Ему хотелось спать, но, как только он закрывал глаза, желание спать моментально проходило. Марков открывал глаза и тянулся рукой за книгой. Но сон опять налетая на него, и, не дотянувшись до книги, Марков ложился и снова закрывал глаза. Но лишь только глаза закрывались, сон улетал опять, и сознание становилось таким ясным, что Марков мог в уме решать алгебраические задачи на уравнения с двумя неизвестными.

Долго мучился Марков, не зная, что ему делать: спать или бодрствовать? Наконец, измучившись и возненавидев самого себя и свою комнату, Марков надел пальто и шляпу, взял в руку трость и вышел на улицу. Свежий ветерок успокоил Маркова, ему стало радостнее на душе и захотелось вернуться обратно к себе в комнату.

Войдя в свою комнату, он почувствовал в теле приятную усталость и захотел спать. Но только он лег на диван и закрыл глаза — сон моментально испарился.

С бешенством вскочил Марков с дивана и, без шапки и без пальто, помчался по направлению к Таврическому саду.

(25) ОХОТНИКИ

На охоту поехало шесть человек, а вернулось-то только четыре.

Двое-то не вернулись.

Окнов, Козлов, Стрючков и Мотыльков благополучно вернулись домой, а Широков и Каблуков погибли на охоте.

Окнов целый день ходил потом расстроенный и даже не хотел ни с кем разговаривать. Козлов неотступно ходил следом за Окновым и приставал к нему с различными вопросами, чем и довел Окнова до высшей точки раздражения.

КОЗЛОВ: Хочешь закурить?

ОКНОВ: Нет.

КОЗЛОВ: Хочешь, я тебе принесу вон ту штуку?

ОКНОВ: Нет.

КОЗЛОВ: Может быть, хочешь, я тебе расскажу что-нибудь смешное?

ОКНОВ: Нет.

КОЗЛОВ: Ну, хочешь пить? У меня вот тут вот есть чай с коньяком.

ОКНОВ: Мало того, что я тебя сейчас этим камнем по затылку ударил, я тебе еще оторву ногу.

СТРЮЧКОВ и МОТЫЛЬКОВ: Что вы делаете? Что вы делаете?

КОЗЛОВ: Приподнимите меня с земли.

МОТЫЛЬКОВ: Ты не волнуйся, рана заживет.

КОЗЛОВ: А где Окнов?

ОКНОВ (отрывая Козлову ногу): Я тут, недалеко!

КОЗЛОВ: Ох, матушки! Спа-па-си!

СТРЮЧКОВ и МОТЫЛЬКОВ: Никак он ему и ногу оторвал!

ОКНОВ: Оторвал и бросил ее вон туда!

СТРЮЧКОВ: Это злодейство!

ОКНОВ: Что-о?

СТРЮЧКОВ: ...ейство...

ОКНОВ: Ка-а-ак?

СТРЮЧКОВ: Нь... нь... нь.. никак.

КОЗЛОВ: Как же я дойду до дома?

МОТЫЛЬКОВ: Не беспокойся, мы тебе приделаем деревяшку.

СТРЮЧКОВ: Ты на одной ноге стоять можешь?

КОЗЛОВ: Могу, но не очень-то.

СТРЮЧКОВ: Ну, мы тебя поддержим.

ОКНОВ: Пустите меня к нему!

СТРЮЧКОВ: Ой нет, лучше уходи!

ОКНОВ: Нет, пустите!.. Пустите!.. Пуста... Вот что я хотел сделать.

СТРЮЧКОВ и МОТЫЛЬКОВ: Какой ужас!

ОКНОВ: Ха-ха-ха!

МОТЫЛЬКОВ: А где же Козлов?

СТРЮЧКОВ: Он уполз в кусты!

МОТЫЛЬКОВ: Козлов, ты тут?

КОЗЛОВ: Шаша!

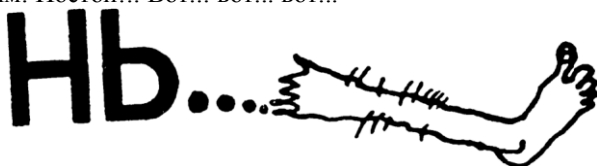
МОТЫЛЬКОВ: Вот ведь до чего дошел!

СТРЮЧКОВ: Что же с ним делать?

МОТЫЛЬКОВ: А тут уж ничего с ним не поделаешь. По-моему, его надо просто удавить. Козлов! А Козлов? Ты меня слышишь?

КОЗЛОВ: Ох, слышу, да плохо.

МОТЫЛЬКОВ: Ты, брат, не горюй. Мы сейчас тебя удавим. Поймай!.. Вот... вот... вот...

СТРЮЧКОВ: Вот сюда вот еще! Так, так, так! Ну-ка еще... Ну, теперь готово!

МОТЫЛЬКОВ: Теперь готово!

ОКНОВ: Господи, благослови!

(26) ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД

В. Н. Петрову

Иван Иванович Сусанин (то самое историческое лицо, которое положило свою жизнь за царя и впоследствии было воспето оперой Глинки) зашел однажды в русскую харчевню и, сев за стол, потребовал себе антрекот. Пока хозяин харчевни жарил антрекот, Иван Иванович закусил свою бороду зубами и задумался; такая у него была привычка.

Прошло тридцать пять колов времени, и хозяин принес Ивану Ивановичу антрекот на круглой деревянной дощечке. Иван Иванович был голоден и, по обычаю того времени, схватил антрекот руками и начал его есть. Но, торопясь утолить свой голод, Иван Иванович так жадно набросился на антрекот, что забыл вынуть изо рта свою бороду и съел антрекот с куском своей бороды.

Вот тут-то и произошла неприятность, так как не прошло и пятнадцати колов времени, как в животе у Ивана Ивановича начались сильные рези. Иван Иванович вскочил из-за стола и ринулся на двор. Хозяин

крикнул было Ивану Ивановичу: “Зри, како твоя борода клочна“. Но Иван Иванович, не обращая ни на что внимания, выбежал во двор.

Тогда боярин Ковшегуб, сидящий в углу харчевни и пьющий сусло, ударил кулаком по столу и вскричал: “Кто есть сей?“ А хозяин, низко кланяясь, ответил боярину: “Сие есть патриот Иван Иванович Сусанин“. — “Вот как!“ — сказал боярин, допивая свое сусло.

“Не угодно ли рыбки?“ — спросил хозяин. “Пошел ты к бую!“ — крикнул боярин и пустил в хозяина ковшом. Ковш просвистел возле хозяйской головы, вылетел через окно на двор и хватил по зубам сидящего орлом Ивана Ивановича. Иван Иванович схватился рукой за щеку и повалился на бок.

Тут справа из сарая выбежал Карп и, перепрыгнув через корыто, в котором среди помоев лежала свинья, с криком побежал к воротам. Из харчевни выглянул хозяин. “Чего ты орешь?“ — спросил он Карпа. Но Карп, ничего не отвечая, убежал.

Хозяин вышел на двор и увидел Сусанина, лежащего неподвижно на земле. Хозяин подошел поближе и заглянул ему в лицо. Сусанин пристально глядел на хозяина. “Так ты жив?“ — спросил хозяин. “Жив, да тилько страшусь, что меня еще чем-нибудь ударят“, — сказал Сусанин. “Нет, — сказал хозяин, — не страшись. Это тебя боярин Ковшегуб чуть не убил, а теперь он ушедши“. — “Ну слава тебе, Боже! — сказал Иван Сусанин, поднимаясь с земли. — Я человек храбрый, да тильки зря живот покладать не люблю. Вот я приник к земле и ждал: чего дальше будет? Чуть что, я бы на животе до самой Елдыриной слободы бы уполз... Евона как щеку разнесло. Батюшки! Полбороды отхватило!“ — “Это у тебя еще и раньше так было“, — сказал хозяин. “Как это так, раньше? — вскричал патриот Сусанин. — Что же, по-твоему, я так с клочной бородой ходил?“ — “Ходил“, — сказал хозяин. “Ах ты, мяфа“, — проговорил Иван Сусанин. Хозяин зажмурил глаза и, размахнувшись, со всего маху звезданул Сусанину по уху. Патриот Сусанин рухнул на землю и замер. “Вот тебе! Сам ты мяфа!“ — сказал хозяин и удалился в харчевню.

Несколько колов времени Сусанин лежал на земле и прислушивался, но, не слыша ничего подозрительного, осторожно приподнял голову и осмотрелся. На дворе ни-

кого не было, если не считать свиньи, которая, вывалившись из корыта, валялась теперь в грязной луже. Иван Сусанин, озираясь, подобрался к воротам. Ворота, по счастью, были открыты, и патриот Иван Сусанин, извиваясь по земле как червь, пополз по направлению к Елдыриной слободе.

Вот эпизод из жизни знаменитого исторического лица, которое положило свою жизнь за царя и было впоследствии воспето в опере Глинки.

1939

(27) ФЕДЯ ДАВИДОВИЧ

Федя долго подкрадывался к масленке и наконец, улучив момент, когда жена нагнулась, чтобы состричь на ноге ноготь, быстро, одним движением вынул пальцем из масленки все масло и сунул его себе в рот. Закрывая масленку, Федя нечаянно звякнул крышкой. Жена сейчас же выпрямилась и, увидя пустую масленку, указала на нее ножницами и строго сказала:

— Масла в масленке нет. Где оно?

Федя сделал удивленные глаза и, вытянув шею, заглянул в масленку.

— Это масло у тебя во рту, — сказала жена, показывая ножницами на Федю.

Федя отрицательно замотал головой.

— Ага, — сказала жена. — Ты молчишь и мотаешь головой, потому что у тебя рот набит маслом.

Федя вытаращил глаза и замахал на жену руками, как бы говоря: “Что ты, что ты, ничего подобного!” Но жена сказала:

— Ты врешь, открой рот.

— Мм, — сказал Федя.

— Открой рот, — повторила жена.

Федя растопырил пальцы и замычал, как бы говоря: “Ах да, совсем было забыл; сейчас приду”, — и встал, собираясь выйти из комнаты.

— Стой! — крикнула жена.

Но Федя прибавил шаг и скрылся за дверью. Жена кинулась за ним, но около двери остановилась, так как была голой и в таком виде не могла выйти в коридор, где ходили другие жильцы этой квартиры.

— Ушел, — сказала жена, садясь на диван. — Вот черт!

А Федя, дойдя по коридору до двери, на которой висела надпись: “Вход категорически воспрещен“, открыл эту дверь и вошел в комнату.

Комната, в которую вошел Федя, была узкой и длинной, с окном, занавешенным газетной бумагой. В комнате справа у стены стояла грязная ломаная кушетка, а у окна стол, который был сделан из доски, положенной одним концом на ночной столик, а другим на спинку стула. На стене слева висела двойная полка, на которой лежало неопределенно что. Больше в комнате ничего не было, если не считать лежащего на кушетке человека с бледно-зеленым лицом, одетого в длинный и рваный коричневый сюртук и в черные нанковые штаны, из которых торчали чисто вымытые босые ноги. Человек этот не спал и пристально смотрел на вошедшего.

Федя наклонился, шаркнул ножкой и, вынув пальцем изо рта масло, показал его лежащему человеку.

— Полтора, — сказал хозяин комнаты, не меняя позы.

— Маловато, — сказал Федя.

— Хватит, — сказал хозяин комнаты.

— Ну, ладно, — сказал Федя и, сняв масло с пальца, положил его на полку.

— За деньгами придешь завтра утром, — сказал хозяин.

— Ой, что вы! — вскричал Федя. — Мне ведь их сейчас нужно. И ведь полтора рубля всего...

— Пошел вон, — сухо сказал хозяин, и Федя на цыпочках выбежал из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

1939

(28) АНЕКДОТЫ ИЗ ЖИЗНИ ПУШКИНА

1
Пушкин был поэтом и все что-то писал. Однажды Жуковский застал его за писанием и громко воскликнул:

— Да никак ты писака!

С тех пор Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть его по-приятельски просто Жуковым.

2

Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. “У него растет, а у меня не растет”, — частенько го-

варивал Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И был всегда прав.

3

Однажды Петрушевский сломал свои часы и послал за Пушкиным. Пушкин пришел, осмотрел часы Петрушевского и положил их обратно на стул. “Что скажешь, брат Пушкин?” — спросил Петрушевский. “Стоп машина”, — сказал Пушкин.

4

Когда Пушкин сломал себе ноги, то стал передвигаться на колесах. Друзья любили дразнить Пушкина и хватали его за эти колеса. Пушкин злился и писал про друзей ругательные стихи. Эти стихи он называл “эрпигармами”.

5

Лето 1829 года Пушкин провел в деревне. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал к реке купаться. Выкупавшись в реке, Пушкин ложился на траву и спал до обеда. После обеда Пушкин спал в гамаке. При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал пальцами свой нос. А вонючие мужики ломали свои шапки и говорили: “Это ничаво”.

6

Пушкин любил кидаться камнями. Как увидит камни, так и начнет ими кидаться. Иногда так разойдется, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!

7

Пушкина было четыре сына, и все идиоты. Один не умел даже сидеть на стуле и все время падал. Пушкин-то и сам довольно плохо сидел на стуле. Бывало, сплошная умора: сидят они за столом; на одном конце Пушкин все время со стула падает, а на другом конце — его сын. Просто хоть святых вон выноси!

(29) НАЧАЛО ОЧЕНЬ ХОРОШЕГО ЛЕТНЕГО ДНЯ

Симфония

Чуть только прокричал петух, Тимофей выскочил из окошка на крышу и напугал всех, кто проходил в это время по улице. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень и пустил им в Тимофея. Тимофей куда-то исчез. “Вот ловкач!” — закричало человеческое стадо, и некто Зубов разбежался и со всего маху двинулся головой об стену. “Эх!” — вскрикнула баба с флюсом. Но Комаров сделал этой бабе тепель-тапель, и баба с воем убежала в подворотню. Мимо шел Фетелюшин и посмеивался. К нему подошел Комаров и сказал: “Эй ты, сало!” — и ударил Фетелюшина по животу. Фетелюшин прислонился к стене и начал икать. Ромашкин плевался сверху из окна, стараясь попасть в Фетелюшина. Тут же невдалеке носатая баба била корытом своего ребенка. А молодая, толстенная мать терла хорошенькую девочку лицом о кирпичную стену. Маленькая собачка, сломав свою тоненькую ножку, валялась на панели. Маленький мальчик ел из плевательницы какую-то гадость. У бакалейного магазина стояла длинная очередь за сахаром. Бабы громко ругались и толкали друг друга кошелками. Крестьянин Харитон, напившись денатурату, стоял перед бабами с расстегнутыми штанами и произносил нехорошие слова.

Таким образом начинался хороший летний день.

(30) ПАКИН И РАКУКИН

— Ну ты, не очень-то фрякай! — сказал Пакин Ракукину.

Ракукин сморщил нос и недоброжелательно посмотрел на Пакина.

— Что глядишь? Не узнал? — спросил Пакин.

Ракукин пожевал губами и, с возмущением повернувшись на своем вращающемся кресле, стал смотреть в другую сторону. Пакин побарабанил пальцами по своему колену и сказал:

— Вот дурак! Хорошо бы его по затылку палкой хлопнуть.

Ракукин встал и пошел из комнаты, но Пакин быстро вскочил, догнал Ракукина и сказал:

— Постой! Куда помчался? Лучше сядь, и я тебе покажу кое-что.

Ракукин остановился и недоверчиво посмотрел на Пакина.

— Что, не веришь? — спросил Пакин.

— Верю, — сказал Ракукин.

— Тогда садись вот сюда, в это кресло, — сказал Пакин.

И Ракукин сел обратно в свое вращающееся кресло.

— Ну вот, — сказал Пакин, — чего сидишь в кресле как дурак?

Ракукин подвигал ногами и быстро замигал глазами.

— Не мигай, — сказал Пакин.

Ракукин перестал мигать глазами и, сгорбившись, втянул голову в плечи.

— Сиди прямо, — сказал Пакин.

Ракукин, продолжая сидеть сгорбившись, выпятил живот и вытянул шею.

— Эх, — сказал Пакин, — так бы и шлепнул тебя по подрыльнику!

Ракукин икнул, надул щеки и потом осторожно выпустил воздух через ноздри.

— Ну ты, не фрякай! — сказал Пакин Ракукину.

Ракукин еще больше вытянул шею и опять быстро замигал глазами.

Пакин сказал:

— Если ты, Ракукин, сейчас не перестанешь мигать, я тебя ударю ногой по грудям.

Ракукин, чтобы не мигать, скривил челюсти и еще больше вытянул шею и закинул назад голову.

— Фу, какой мерзостный у тебя вид, — сказал Пакин. — Морда как у курицы, шея синяя, просто гадость!

В это время голова Ракукина закидывалась назад все дальше и дальше и наконец, потеряв напряжение, свалилась на спину.

— Что за черт! — воскликнул Пакин. — Это что еще за фокус?

Если посмотреть от Пакина на Ракукина, то можно было подумать, что Ракукин сидит вовсе без головы. Кадк Ракукина торчал вверх. Невольно хотелось думать, что это нос.

— Эй, Ракукин! — сказал Пакин.

Ракукин молчал.

— Ракукин! — повторил Пакин.

Ракукин не отвечал и продолжал сидеть без движения.

— Так, — сказал Пакин. — Подох Ракукин.

Пакин перекрестился и на цыпочках вышел из комнаты.

Минут четырнадцать спустя из тела Ракукина вылезла маленькая душа и злобно посмотрела на то место, где недавно сидел Пакин. Но тут из-за шкапа вышла высокая фигура ангела смерти и, взяв за руку ракукинскую душу, повела ее куда-то, прямо сквозь дома и стены. Ракукинская душа бежала за ангелом смерти, поминутно злобно оглядываясь. Но вот ангел смерти поддал ходу, и ракукинская душа, подпрыгивая и спотыкаясь, исчезла вдали за поворотом.

НОВЫЙ ТАЛАНТЛИВЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Андрей Андреевич придумал такой рассказ.

В одном старинном замке жил принц, страшный пьяница. А жена этого принца, наоборот, не пила даже чаю, только воду и молоко пила. А муж пил водку и вино, а молока не пил. Да и жена его, собственно говоря, тоже водку пила, но скрывала это. А муж был бесстыдник и не скрывал. “Не пью молока, а водку пью!” — говорил он всегда. А жена тихонько, из-под фартука, вынимала баночку и хлоп, значит выпивала. Муж ее, принц, говорит: “Ты бы и мне дала”. А жена, принцес-

са, говорит: “Нет, самой мало. Хю!” — “Ах ты, — говорит принц, — ледя!” И с этими словами хватя жену об пол! Жена себе всю харю расшибла, лежит на полу и плачет. А принц в мантию завернулся и ушел к себе на башню, там у него клетки стояли. Он, видите ли, там кур разводил. Вот пришел принц на башню, а там куры кричат, пищи требуют. Одна курица даже ржать начала. “Ну ты, — говорит ей принц, — шантоклер! Молчи, пока по зубам не попало!” Курица слов не понимает и продолжает ржать. Выходит, значит, что курица на башне шумит, принц, значит, матерно ругается, жена внизу на полу лежит — одним словом, настоящий содом.

Вот какой рассказ выдумал Андрей Андреевич. Уже по этому рассказу можно судить, что Андрей Андреевич крупный талант. Андрей Андреевич очень умный человек. Очень умный и очень хороший!

12 и 30 октября 1938 года

ВОСПОМИНАНИЯ ОДНОГО МУДРОГО СТАРИКА

Я был очень мудрым стариком.

Теперь я уже не то, считайте даже, что меня нет. Но было время, когда любой из вас пришел бы ко мне, и, какая бы тяжесть ни томила его душу, какие бы грехи ни терзали его мысли, я бы обнял его и сказал: “Сын мой, утешься, ибо никакая тяжесть души твоей не томит, и никаких грехов не вижу я в теле твоём”, — и он убежал бы от меня, счастливый и радостный.

Я был велик и силен. Люди, встречая меня на улице, шарахались в сторону, и я проходил сквозь толпу, как утюг.

Мне часто целовали ноги, но я не протестовал: я знал, что достоин этого. Зачем лишать людей радости почитать меня? Я даже сам, будучи чрезвычайно гибким в теле, попробовал поцеловать себе свою собственную ногу. Я сел на скамейке, взял в руки свою правую ногу и подтянул ее к лицу. Мне удалось поцеловать большой палец на ноге. Я был счастлив. Я понял счастье других людей.

Все преклонялись передо мной! И не только люди, даже звери, даже разные букашки ползали передо мной и виляли своими хвостами. А кошки! Те просто души во мне не чаяли и, каким-то образом сцепившись лапами друг с другом, бежали передо мной, когда я шел по лестнице.

В то время я был действительно очень мудр и все понимал. Не было такой вещи, перед которой я встал бы в тупик. Одна минута напряжения моего чудовищного ума, и самый сложный вопрос разрешался наипростейшим образом. Меня даже водили в Институт Мозга и показывали ученым профессорам. Те электричеством измеряли мой ум и просто оупели. “Мы никогда ничего подобного не видали“, — сказали они.

Я был женат, но редко видел свою жену. Она боялась меня: колоссальность моего ума подавляла ее. Она не жила, а трепетала, и, если я смотрел на нее, она начинала икать. Мы долго жили с ней вместе, но потом она, кажется, куда-то исчезла, точно не помню.

Память — это вообще явление странное. Как трудно бывает что-нибудь запомнить и как легко забыть! А то и так бывает: запомнишь одно, а вспомнишь совсем другое. Или: запомнишь что-нибудь с трудом, но очень крепко, а потом ничего вспомнить не сможешь. Так тоже бывает. Я бы всем советовал поработать над своей памятью.

Я был всегда справедлив и зря никого не бил, потому что когда кого-нибудь бьешь, то всегда шалеешь, и тут можно переборщить. Детей, например, никогда не надо

бить ножом или вообще чем-нибудь железным, а женщин, наоборот, не следует бить ногами. Животные — те, говорят, выносливы. Но я производил в этом направлении опыты и знаю, что это не всегда так.

Благодаря своей гибкости я мог делать то, чего никто не мог сделать. Так, например, мне удалось достать рукой из очень извилистой фановой трубы заскочившую туда случайно серьгу моего брата. Я мог, например, спрятаться в сравнительно небольшую корзинку и закрыть за собой крышку.

Да, конечно, я был феноменален!

Мой брат был полная моя противоположность: во-первых, он был выше ростом, а во-вторых, глупее. Мы с ним никогда не дружили. Хотя, впрочем, дружили, и даже очень. Я тут чего-то напугал: мы именно с ним не дружили, а всегда были в ссоре. А поссорились мы с ним так. Я стоял около магазина: там выдавали сахар и я стоял в очереди и старался не слушать, чего говорят кругом. У меня немножечко болел зуб, и настроение было неважное. На улице было очень холодно, потому что все стояли в ватных шубах и все-таки мерзли. Я тоже стоял в ватной шубе, но сам не очень мерз, а мерзли мои руки, потому что то и дело приходилось вынимать их из карманов и поправлять чемодан, который я держал, зажав ногами, чтобы он не пропал. Вдруг меня ударил кто-то по спине. Я пришел в неопишное негодование и с быстротой молнии стал обдумывать, как наказать обидчика. В это время меня ударили по спине вторично. Я весь насторожился, но решил голову назад не поворачивать и сделать вид, будто я ничего не заметил. Я только на всякий случай взял чемодан в руку. Прошло минут семь, и меня в третий раз ударили по спине. Тут я повернулся и увидел перед собой высокого пожилого человека в довольно поношенной, но все еще хорошей ватной шубе.

— Что вам от меня нужно? — спросил я его строгим и даже слегка металлическим голосом.

— А ты чего не оборачиваешься, когда тебя окликают? — сказал он.

Я задумался над содержанием его слов, когда он опять открыл рот и сказал:

— Да ты что? Не узнаешь, что ли, меня? Ведь я твой брат.

Я опять задумался над его словами, а он снова открыл рот и сказал:

— Послушай-ка, брат. У меня не хватает на сахар четырех рублей, а из очереди уходить обидно. Одолжи-ка мне пятерку, а мы с тобой потом рассчитаемся.

Я стал раздумывать о том, почему брату не хватает четырех рублей, но он схватил меня за рукав и сказал:

— Ну так как же, одолжишь ты своему брату немного денег? — и с этими словами он сам расстегнул мою ватную шубу, залез ко мне во внутренний карман и достал мой кошелек.

— Вот, — сказал он, — я, брат, возьму у тебя взаймы некоторую сумму, а кошелек, вот смотри, я кладу тебе обратно в пальто. — И он сунул кошелек в наружный карман моей шубы.

Я был, конечно, удивлен, так неожиданно встретив своего брата. Некоторое время я помолчал, а потом спросил его:

— А где же ты был до сих пор?

— Там, — ответил мне брат и махнул куда-то рукой. Я задумался: где это “там“, но брат подтолкнул меня в бок и сказал:

— Смотри: в магазин начали пускать.

До дверей магазина мы шли вместе, но в магазине я оказался один, без брата. Я на минутку выскочил из очереди и выглянул через дверь на улицу. Но брата нигде не было.

Когда я хотел опять занять в очереди свое место, меня туда не пустили и даже постепенно вытолкали на улицу. Я, сдерживая гнев на плохие порядки, отправился домой. Дома я обнаружил, что брат взял из моего ко-

шелька все деньги. Тут я страшно рассердился на брата, и с тех пор мы с ним никогда больше не мирились.

Я жил один и пускал к себе только тех, кто приходил ко мне за советом. Но таких было много, и выходило так, что я ни днем ни ночью не знал покоя. Иногда я уставал до такой степени, что ложился на пол и отдыхал. Я лежал на полу до тех пор, пока мне не делалось холодно, тогда я вскакивал и начинал бегать по комнате, чтобы согреться. Потом я опять садился на скамейку и давал советы всем нуждающимся.

Они входили ко мне друг за другом, иногда даже не открывая дверей. Мне было весело смотреть на их мучительные лица. Я говорил с ними, а сам едва сдерживал смех.

Один раз я не выдержал и рассмеялся. Они с ужасом кинулись бежать — кто в дверь, кто в окно, а кто и прямо сквозь стену.

Оставшись один, я встал во весь свой могучий рост, открыл рот и сказал:

— Прин тим прам.

Но тут во мне что-то хрустнуло, и с тех пор можете считать, что меня больше нет.

(1936—1938)

Господин невысокого роста с камушком в глазу подошел к двери табачной лавки и остановился. Его черные лакированные туфли сияли у каменной ступеньки, ведущей в табачную лавку. Носки туфель были направлены вовнутрь магазина. Еще два шага, и господин скрылся бы за дверью. Но он почему-то задержался, будто нарочно для того, чтобы подставить голову под кирпич, упавший с крыши. Господин даже снял шляпу, обнаружив свой лысый череп, и, таким образом, кирпич

ударил господина прямо по голой голове, проломил черепную кость и застрял в мозгу. Господин не упал. Нет, он только пошатнулся от страшного удара, вынул из кармана платок, вытер им лицо, залепленное кровавыми мозгами, и, повернувшись к толпе, которая мгновенно собралась вокруг этого господина, сказал:

— Не беспокойтесь, господа: у меня была уже прививка. Вы видите — у меня в правом глазу торчит камушек. Это тоже был однажды случай. Я уже привык к этому. Теперь мне все трын-трава!

И с этими словами господин надел шляпу и ушел куда-то в сторону, оставив смущенную толпу в полном недоумении.

(1939—1940)

ЛЕКЦИЯ

Пушков сказал:

— Женщина — это станок любви.

И тут же получил по морде.

— За что? — спросил Пушков.

Но, не получив ответа на свой вопрос, продолжал:

— Я думаю так: к женщине надо подкатываться снизу. Женщины это любят и только делают вид, что они этого не любят.

Тут Пушкова опять стукнули по морде.

— Да что же это такое, товарищи! Я тоща и говорить не буду, — сказал Пушков.

Но, подождав с четверть минуты, продолжал:

— Женщина устроена так, что она вся мягкая и влажная.

Тут Пушкова опять стукнули по морде. Пушкин попробовал сделать вид, что он этого не заметил, и продолжал:

— Если женщину понюхать...

Но тут Пушкова так сильно трахнули по морде, что он схватился за щеку и сказал:

— Товарищи, в таких условиях совершенно невозможно провести лекцию. Если это будет еще повторяться, я замолчу.

Пушкин подождал четверть минуты и продолжал:

— На чем мы остановились? Ах да! Так вот. Женщина любит смотреть на себя. Она садится перед зеркалом совершенно голая...

На этом слове Пушкин опять получил по морде.

— Голая, — повторил Пушкин.

Трах! — отвесили ему по морде.

— Голая! — крикнул Пушкин.

Трах! — получил он по морде.

— Голая! Женщина голая! Голая баба! — кричал Пушкин.

Трах! Трах! Трах! — получил Пушкин по морде.

— Голая баба с ковшом в руках! — кричал Пушкин.

Трах! Трах! — сыпались на Пушкова удары.

— Бабий хвост! — кричал Пушкин, увертываясь от ударов. — Голая монашка!

Но тут Пушкова ударили с такой силой, что он потерял сознание и как подкошенный рухнул на пол.

12 августа 1940 года

УПАДЕНИЕ

Два человека упало с крыши. Они оба упали с крыши пятиэтажного дома, новостройки. Кажется, школы. Они съехали по крыше в сидячем положении до самой кромки и тут начали падать.

Их падение раньше всех заметила Ида Марковна. Она стояла у окна в противоположном доме и сморкалась в стакан. И вдруг она увидела, что кто-то с крыши противоположного дома начинает падать. Вглядевшись, Ида Марковна увидела, что это начинают падать сразу целых двое. Совершенно растерявшись, Ида Марковна содрала с себя рубашку и начала этой рубашкой скорее протирать запотевшее оконное стекло, чтобы лучше разглядеть, кто там падает с крыши. Однако сообразив, что, пожалуй, падающие могут, со своей стороны, увидеть ее голой и невесть чего про нее подумать, Ида Марковна отскочила от окна и спряталась за плетеный треножник, на котором когда-то стоял горшок с цветком.

В это время падающих с крыши увидела другая особа, живущая в том же доме, что и Ида Марковна, но только двумя этажами ниже. Особу эту тоже звали Ида Марковна. Она, как раз в это время, сидела с ногами на подоконнике и пришивала к своей туфле пуговку. Взглянув в окно, она увидела падающих с крыши. Ида Марковна взвизгнула и, вскочив с подоконника, начала спешно открывать окно, чтобы лучше увидеть, как падающие с крыши ударятся об землю. Но окно не открывалось. Ида Марковна вспомнила, что она забила окно снизу гвоздем, и кинулась к печке, в которой она хранила инструменты: четыре молотка, долото и клещи.

Схватив клещи, Ида Марковна опять подбежала к окну и выдернула гвоздь. Теперь окно легко распахнулось. Ида Марковна высунулась из окна и увидела, как падающие с крыши со свистом подлетали к земле.

На улице уже собралась небольшая толпа. Уже раздавались свистки, и к месту ожидаемого происшествия не спеша подходил маленького роста милиционер. Носатый дворник суетился, расталкивая людей и поясняя, что падающие с крыши могут вдарить собравшихся по головам.

К этому времени уже обе Иды Марковны, одна в платье, а другая голая, высунувшись из окна, визжали и били ногами.

И вот, наконец, расставив руки и выпучив глаза, падающие с крыши ударились об землю.

Так и мы иногда, упавая с высот достигнутых, ударяемся об унылую клеть нашей будущности.

7 сентября 1940 года

ВЛАСТЬ

Фаол сказал: “Мы грешим и творим добро вслепую. Один стряпчий ехал на велосипеде и вдруг, доехав до Казанского собора, исчез. Знает ли он, что дано было сотворить ему: добро или зло? Или такой случай: один артист купил себе шубу и якобы сотворил добро той старушке, которая, нуждаясь, продала эту шубу, но зато другой старушке, а именно своей матери, которая жила у артиста и обыкновенно спала в прихожей, где артист вешал свою новую шубу, он сотворил, по всей видимости, зло, ибо от новой шубы столь невыносимо пахло каким-то формалином и нафталином, что старушка, мать того артиста, однажды не смогла проснуться и умерла. Или еще так: один графолог надрызгался водкой и натворил такое, что тут, пожалуй, и сам полковник Дибич

не разобрал бы, что хорошо, а что плохо. Грех от добра отличить очень трудно“.

Мышин, задумавшись над словами Фаола, упал со стула.

— Хо-хо, — сказал он, лежа на полу, — че-че.

Фаол продолжал: “Возьмем любовь. Будто хорошо, а будто и плохо. С одной стороны, сказано: возлюби, а с другой стороны, сказано: не балуй. Может, лучше вовсе не возлюбить? А сказано: возлюби. А возлюбишь — набалуешь. Что делать? Может, возлюбить, да не так? Тогда зачем же у всех народов одним и тем же словом изображается возлюбить — и так, и не так? Вот один артист любил свою мать и одну полненькую девицу. И любил он их разными способами. Он отдавал девице большую часть своего заработка. Мать частенько голодала, а девица пила и ела за троих. Мать артиста жила в прихожей на полу, а девица имела в своем распоряжении две хорошие комнаты. У девицы было четыре пальто, а у матери одно. И вот артист взял у своей матери это одно пальто и перешил из него девице юбку. Наконец, с девицей артист баловался, а со своей матерью не баловался и любил ее чистой любовью. Но смерти матери артист побаивался, а смерти девицы артист не побаивался. И когда умерла мать, артист плакал, а когда девица вывалилась из окна и тоже умерла, артист не плакал и завел себе другую девицу. Выходит, что мать ценится, как уника, вроде редкой марки, которую нельзя заменить другой“.

— Шо-шо, — сказал Мышин, лежа на полу, — хо-хо.

Фаол продолжал: “И это называется чистая любовь! Добро ли такая любовь? А если нет, то как же возлюбить? Одна мать любила своего ребенка. Этому ребенку было два с половиной года. Мать носила его в сад и сажала на песочек. Туда же приносили своих детей и другие матери. Иногда на песочке накапливалось до сорока маленьких детей. И вот однажды в этот сад

ворвалась бешеная собака, кинулась прямо к детям и начала их кусать. Матери с воплями кинулись к своим детям, в том числе и наша мать. Она, жертвуя собой, подскочила к собаке и вырвала у нее из пасти, как ей казалось, своего ребенка. Но, вырвав ребенка, она увидела, что это не ее ребенок, и мать кинула его обратно собаке, чтобы схватить и спасти от смерти лежащего тут же рядом своего ребенка. Кто ответит мне: согрешила ли она или сотворила добро?“

— Сю-сю, — сказал Мышин, ворочаясь на полу.

Фаол продолжал: “Грешит ли камень? Грешит ли дерево? Грешит ли зверь? Или грешит только один человек?“

— Млям-млям, — сказал Мышин, прислушиваясь к словам Фаола, — шуп-шуп.

Фаол продолжал: “Если грешит только один человек, то, значит, все грехи мира находятся в самом человеке. Грех не входит в человека, а только выходит из него. Подобно пище: человек съедает хорошее, а выбрасывает из себя нехорошее. В мире нет ничего нехорошего, только то, что прошло сквозь человека, может стать нехорошим“.

— Умняф, — сказал Мышин, стараясь приподняться с пола.

Фаол продолжал: “Вот я говорил о любви, я говорил о тех состояниях наших, которое называются одним словом “любовь“. Ошибка ли это языка, или все эти состояния едины? Любовь матери к ребенку, любовь сына к матери и любовь мужчины к женщине — быть может, все это одна любовь?“

— Определенно, — сказал Мышин, кивая головой.

Фаол сказал: “Да, я думаю, что сущность любви не меняется оттого, кто кого любит. Каждому человеку отпущена известная величина любви. И каждый человек ищет, куда бы ее приложить, не скидывая своих фузеляжек. Раскрытие тайн перестановок и мелких свойств нашей души, подобной мешку опилок...”

— Хвать! — крикнул Мышин, вскакивая с пола. — Сгинь!

И Фаол рассыпался, как плохой сахар.

29 сентября 1940

ПОМЕХА

Пронин сказал:

— У вас очень красивые чулки.

Ирина Мазер сказала:

— Вам нравятся мои чулки?

Пронин сказал:

— О, да. Очень. — И схватился за них рукой.

Ирина сказала:

— А почему вам нравятся мои чулки?

Пронин сказал:

— Они очень гладкие.

Ирина подняла свою юбку и сказала:

— А видите, какие они высокие?

Пронин сказал:

— Ой, да, да.

Ирина сказала:

— Но вот тут они уже кончаются. Тут уже идет голая нога.

— Ой, какая нога! — сказал Пронин.

— У меня очень толстые ноги, — сказала Ирина. — А в бедрах я очень широкая.

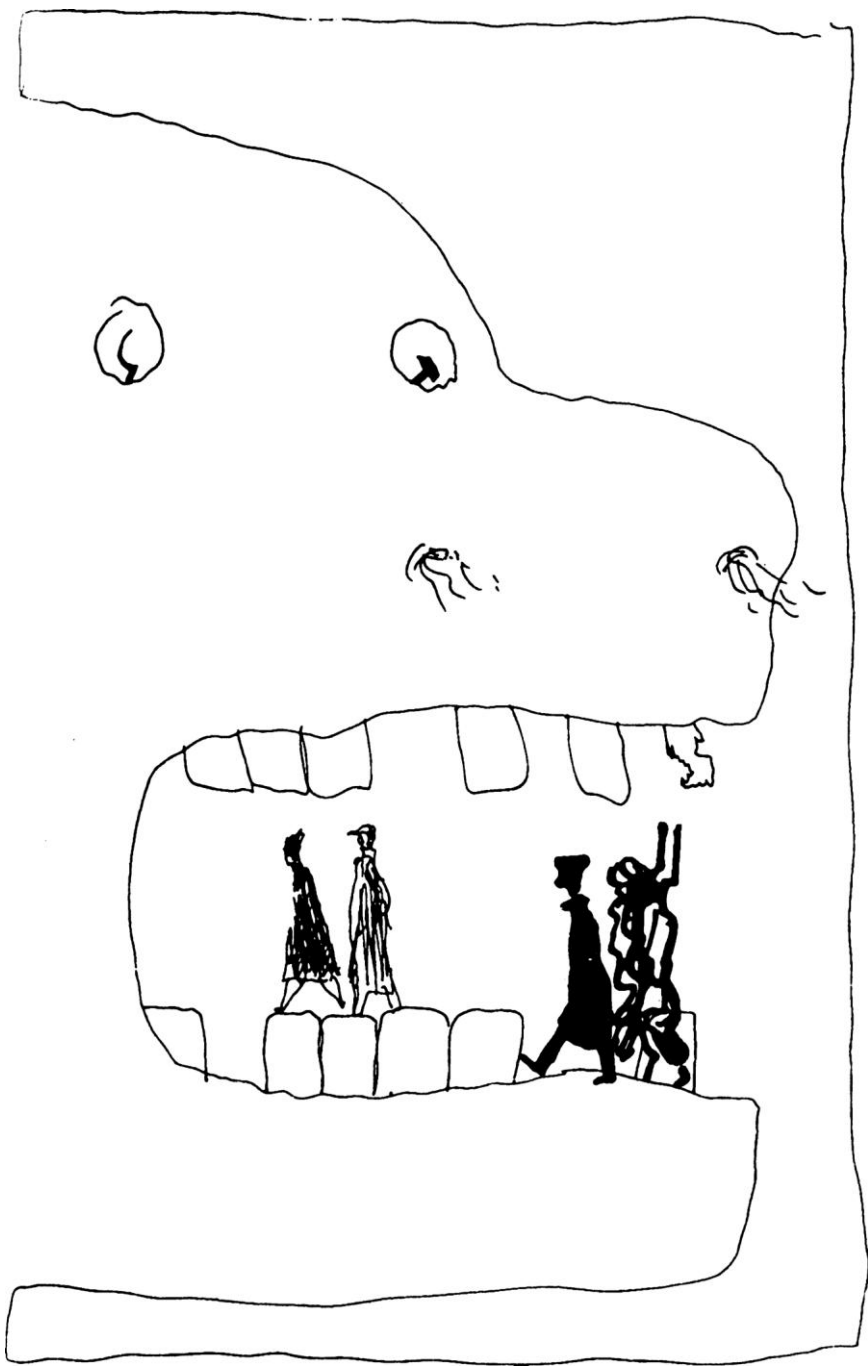
— Покажите, — сказал Пронин.

— Нельзя, — сказала Ирина, — я без панталон.

Пронин опустил перед ней на колени.

Ирина сказала:

— Зачем вы встали на колени?

Пронин поцеловал ее ногу чуть повыше чулка и сказал:

— Вот зачем.

Ирина сказала:

— Зачем вы поднимаете мою юбку еще выше? Я же вам сказала, что я без панталон.

Но Пронин все-таки поднял ее юбку и сказал:

— Ничего, ничего.

— То есть как это так, ничего? — сказала Ирина.

Но тут в дверь кто-то постучал. Ирина быстро одернула свою юбку, а Пронин встал с пола и подошел к окну.

— Кто там? — спросила Ирина через дверь.

— Откройте дверь, — сказал резкий голос.

— Ирина открыла дверь, и в комнату вошел человек в черном пальто и в высоких сапогах. За ним вошли двое военных, низших чинов, с винтовками в руках, и за ними вошел дворник. Низшие чины встали около двери, а человек в черном пальто подошел к Ирине Мазер и сказал:

— Ваша фамилия?

— Мазер, — сказала Ирина.

— Ваша фамилия? — спросил человек в черном пальто, обращаясь к Пронину.

Пронин сказал:

— Моя фамилия Пронин.

— У вас оружие есть? — спросил человек в черном пальто.

— Нет, — сказал Пронин.

— Сядьте сюда, — сказал человек в черном пальто, указывая Пронину на стул.

Пронин сел.

— А вы, — сказал человек в черном пальто, обращаясь к Ирине, — наденьте ваше пальто. Вам придется с нами проехать.

— Зачем? — спросила Ирина.

Человек в черном пальто не ответил.

— Мне нужно переодеться, — сказала Ирина.
— Нет, — сказал человек в черном пальто.
— Но мне нужно еще кое-что на себя надеть, — сказала Ирина.
— Нет, — сказал человек в черном пальто.
Ирина молча надела свою шубку.
— Прощайте, — сказала она Пронину.
— Разговоры запрещены, — сказал человек в черном пальто.
— А мне тоже ехать с вами? — спросил Пронин.
— Да, — сказал человек в черном пальто. — Одевайтесь.
Пронин встал, снял с вешалки свое пальто и шляпу, оделся и сказал:
— Ну, я готов.
— Идемте, — сказал человек в черном пальто.
Низшие чины и дворник застучали подметками.
Все вышли в коридор.
Человек в черном пальто запер дверь Ирининой комнаты и запечатал ее двумя бурыми печатями.
— Даешь на улицу, — сказал он.
И все вышли из квартиры, громко хлопнув наружной дверью.

1940

ПОБЕДА МЫШИНА

Мышину сказали:

— Эй, Мышин, вставай!

Мышин сказал:

— Не встану, — и продолжал лежать на полу.

Тогда к Мышину подошел Калугин и сказал:

— Если ты, Мышин, не встанешь, я тебя заставлю встать.

— Нет, — сказал Мышин, продолжая лежать на полу.

К Мышину подошла Селизнева и сказала:

— Вы, Мышин, вечно валяетесь на полу в коридоре и мешаете нам ходить взад и вперед.

— Мешал и буду мешать, — сказал Мышин.

— Ну, знаете, — сказал Коршунов, но его перебил Калугин и сказал:

— Да чего тут долго разговаривать! Звоните в милицию.

Позвонили в милицию и вызвали милиционера. Через полчаса пришел милиционер с дворником.

— Чего у вас тут? — спросил милиционер.

— Полюбуйтесь, — сказал Коршунов, но его перебил Калугин и сказал:

— Вот. Этот гражданин все время лежит тут на полу и мешает нам ходить по коридору. Мы его и так и так...

Но тут Калугина перебила Селизнева и сказала:

— Мы его просили уйти, а он не уходит.

— Да, — сказал Коршунов.

Милиционер подошел к Мышину.

— Вы, гражданин, зачем тут лежите? — спросил милиционер.

— Отдыхаю, — сказал Мышин.

— Здесь, гражданин, отдыхать не годится, — сказал милиционер. — Вы где, гражданин, живете?

— Тут, — сказал Мышин.

— Где ваша комната? — спросил милиционер.

— Он прописан в нашей квартире, а комнаты не имеет, — сказал Калугин.

— Обождите, гражданин, — сказал милиционер, — я сейчас с ним поговорю. Гражданин, где вы спите?

— Тут, — сказал Мышин.

— Позвольте, — сказал Коршунов, но его перебил Калугин и сказал:

— Он даже кровати своей не имеет и валяется прямо на голом полу.

— Они давно на него жалуются, — сказал дворник.

— Совершенно невозможно ходить по коридору, — сказала Селизнева, — я не могу вечно шагать через мужчину. А он нарочно ноги вытянет, да еще руки вытянет, да еще на спину ляжет и глядит. Я с работы усталая прихожу, мне отдых нужен.

— Присовокупляю, — сказал Коршунов, но его перебил Калугин и сказал:

— Он и ночью тут лежит. Об него в темноте все спотыкаются, Я через него одеяло свое разорвал.

Селизнева сказала:

— У него вечно из кармана какие-то гвозди вываливаются. Невозможно по коридору босой ходить, того и гляди — ногу напорешь.

— Они давеча хотели его керосином поджечь, — сказал дворник.

— Мы его керосином облили, — сказал Коршунов, но его перебил Калугин и сказал:

— Мы его только для страха керосином облили, а поджечь и не собирались.

— Да я бы и не позволила в своем присутствии живого человека сжечь, — сказала Селизнева.

— А почему этот гражданин в коридоре лежит? — спросил вдруг милиционер.

— Здравствуйте! — сказал Коршунов, но Калугин его перебил и сказал:

— А потому, что у него нет другой жилплощади: вот в этой комнате я живу, в этой вон она, в этой вот он, а уж Мышин тут, в коридоре, живет.

— Это не годится, — сказал милиционер. — Надо, чтобы все на своей жилплощади лежали.

— А у него нет другой жилплощади, как в коридоре, — сказал Калугин.

— Вот именно, — сказал Коршунов.

— Вот он вечно тут и лежит, — сказала Селизнева.

— Это не годится, — сказал милиционер и ушел вместе с дворником.

Коршунов подскочил к Мышину.

— Что? — закричал он. — Как вам это по вкусу пришлось?

— Подождите, — сказал Калугин. И, подойдя к Мышину, сказал:

— Слышал, чего говорил милиционер? Вставай с полу!

— Не встану, — сказал Мышин, продолжая лежать на полу.

— Он теперь нарочно и дальше будет вечно тут лежать, — сказала Селизнева.

— Определенно, — сказал с раздражением Калугин. И Коршунов сказал:

— Я в этом не сомневаюсь. Parfaitement!*

8 ноября 1940

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Не хвастаясь, могу сказать, что, когда Володя ударил меня по уху и плюнул мне в лоб, я так его схватил, что он этого не забудет. Уже потом я бил его примусом, а утюгом я бил его вечером. Так что умер он совсем не сразу. Это не доказательство, что ногу я отрезал ему еще днем. Тогда он был еще жив. А Андрюшу я убил просто по инерции, и в этом я себя не

* Превосходно! (франц.)

могу обвинить. Зачем Андрюша с Елизаветой Антоновой попались мне под руку? Им было ни к чему высказывать из-за двери. Меня обвиняют в кровожадности, говорят, япил кровь, но это неверно: я подлизывал кровавые лужи и пятна — это естественная потребность человека уничтожить следы своего, хотя бы и пустячного, преступления. А также я не насиловал Елизавету Антоновну. Во-первых, она уже не была девушкой, а во-вторых, я имел дело с трупом, и ей жаловаться не приходится. Что из того, что она вот-вот должна была родить? Я и вытащил ребенка. А то, что он вообще не жилец был на этом свете, в этом уж не моя вина. Не я оторвал ему голову, причиной тому была его тонкая шея. Он был создан не для жизни сей. Это верно, что я сапогом размазал по полу их собачку. Но это уж цинизм — обвинять меня в убийстве собаки, когда тут рядом, можно сказать, уничтожены три человеческие жизни. Ребенка я не считаю. Ну хорошо: во всем этом (я могу согласиться) можно усмотреть некоторую жестокость с моей стороны. Но считать преступлением то, что я сел и испражнился на свои жертвы, — это уже, извините, абсурд. Испражняться — потребность естественная, а следовательно, и отнюдь не преступная. Таким образом, я понимаю опасения моего защитника, но все же надеюсь на полное оправдание.

1941

СИМФОНИЯ № 2

Антон Михайлович плюнул, сказал “эх”, опять плюнул, опять сказал “эх”, опять плюнул, опять сказал “эх” и ушел. И Бог с ним. Расскажу лучше про Илью Павловича.

Илья Павлович родился в 1893 году в Константинополе.

Еще маленьким мальчиком его перевезли в Петербург, и тут он окончил немецкую школу на Кировой улице. Потом он служил в каком-то магазине, потом еще чего-то делал, а в начале революции эмигрировал за границу. Ну и Бес с ним. Я лучше расскажу про Анну Игнатьевну.

Но про Анну Игнатьевну рассказать не так-то просто. Во-первых, я о ней ничего не знаю, а во-вторых, я сейчас упал со стула и забыл, о чем собирался рассказывать. Я лучше расскажу о себе.

Я высокого роста, неглупый, одеваюсь изящно и со вкусом, не пью, на скачки не хожу, но к дамам тянусь.

И дамы не избегают меня. Даже любят, когда я с ними гуляю. Серафима Измаиловна неоднократно приглашала меня к себе, и Зинаида Яковлевна тоже говорила, что она всегда рада меня видеть. Но вот с Мариной Петровной у меня вышел забавный случай, о котором я и хочу рассказать. Случай вполне обыкновенный, но все же забавный, ибо Марина Петровна благодаря меня совершенно облысела, как ладонь. Случилось это так: пришел я однажды к Марине Петровне, а она трах! — и облысела. Вот и все.

9—10 июня 1941 года

СТАРУХА

Повесть

...И между ними происходит следующий разговор.

Гамсун

На дворе стоит старуха и держит в руках стенные часы. Я прохожу мимо старухи, останавливаюсь и спрашиваю ее: “Который час?”

— Посмотрите, — говорит мне старуха.

Я смотрю и вижу, что на часах нет стрелок.

— Тут нет стрелок, — говорю я.

Старуха смотрит на циферблат и говорит мне:

— Сейчас без четверти три.

— Ах, так. Большое спасибо, — говорю я и ухожу.

Старуха кричит мне что-то вслед, но я иду не оглядываясь. Я выхожу на улицу и иду по солнечной стороне. Весеннее солнце очень приятно. Я иду пешком, щурю глаза и курю трубку. На углу Садовой мне попадается навстречу Сакердон Михайлович. Мы здороваемся, останавливаемся и долго разговариваем. Мне надоедает стоять на улице, и я приглашаю Сакердона Михайловича в подвальчик. Мы пьем водку, закусываем крутым яйцом с килькой, потом прощаемся, и я иду дальше один.

Тут я вдруг вспоминаю, что забыл дома выключить электрическую печку. Мне очень досадно. Я поворачиваюсь и иду домой. Так хорошо начался день, и вот уже первая неудача. Мне не следовало выходить на улицу.

Я прихожу домой, снимаю куртку, вынимаю из жилетного кармана часы и вешаю их на гвоздик; потом запираю дверь на ключ и ложусь на кушетку. Буду лежать и постараюсь заснуть.

С улицы слышен противный крик мальчишек. Я лежу и выдумываю им казни. Больше всего мне нравится напустить на них столбняк, чтобы они вдруг перестали двигаться. Родители растаскивают их по домам. Они лежат в своих кроватках и не могут даже есть, потому что у них не открываются рты. Их питают искусственно. Через неделю столбняк проходит, но дети так слабы, что еще целый месяц должны пролежать в постелях. Потом они начинают постепенно выздоравливать, но я напускаю на них второй столбняк, и они все околевают.

Я лежу на кушетке с открытыми глазами и не могу заснуть. Мне вспоминается старуха с часами, которую я видел сегодня на дворе, и

мне делается приятно, что на ее часах не было стрелок. А вот на днях я видел в комиссионном магазине отвратительные кухонные часы, и стрелки у них были сделаны в виде ножа и вилки.

Боже мой! Ведь я еще не выключил электрической печки! Я вскакиваю и выключаю ее, потом опять ложусь на кушетку и стараюсь заснуть. Я закрываю глаза. Мне хочется спать. В окно светит весеннее солнце, прямо на меня. Мне становится жарко. Я встаю и сажусь в кресло у окна.

Теперь мне хочется спать, но я спать не буду. Я возьму бумагу и перо и буду писать. Я чувствую в себе страшную силу. Я все обдумал еще вчера. Это будет рассказ о чудотворце, который живет в наше время и не творит чудес. Он знает, что он чудотворец и может сотворить любое чудо, но он этого не делает. Его выселяют из квартиры, он знает, что стоит ему только махнуть пальцем, и квартира останется за ним, но он не делает этого, он покорно съезжает с квартиры и живет за городом в сарае. Он может этот сарай превратить в прекрасный кирпичный дом, но он не делает этого, он продолжает жить в сарае и, в конце концов, умирает, не сделав за свою жизнь ни одного чуда.

Я сижу и от радости потираю руки. Сакердон Михайлович лопнет от зависти. Он думает, что я уже не способен написать гениальную вещь. Скорее, скорее за работу! Долой всякий сон и лень! Я буду писать восемнадцать часов подряд!

От нетерпения я весь дрожу. Я не могу сообразить, что мне делать: мне нужно было взять перо и бумагу, а я хватал разные предметы, совсем не те, которые мне были нужны. Я бегал по комнате: от окна к столу, от стола к печке, от печки опять к столу, потом к дивану и опять к окну. Я задыхался от пламени, которое пылало в моей груди. Сейчас только пять часов. Впереди весь день, и вечер, и вся ночь.

Я стою посередине комнаты. О чем же я думаю? Ведь уже двадцать минут шестого. Надо писать. Я придвигаю к окну столик и сажусь за него. Передо мной клетчатая бумага, в руке перо.

Мое сердце еще слишком бьется, и рука дрожит. Я жду, чтобы немножко успокоиться. Я кладу перо и набиваю трубку. Солнце светит мне прямо в глаза, я жмурюсь и трубку закуриваю.

Вот мимо окна пролетает ворона. Я смотрю из окна на улицу и вижу, как по панели идет человек на механической ноге. Он громко стучит своей ногой и палкой.

— Так, — говорю я сам себе, продолжая смотреть в окно.

Солнце прячется за трубу противостоящего дома. Тень от трубы бежит по крыше, перелетает улицу и ложится мне на лицо. Надо воспользоваться этой тенью и написать несколько слов о чудотворце. Я хватаю перо и пишу:

“Чудотворец был высокого роста“.

Больше я ничего написать не могу. Я сижу до тех пор, пока не начинаю чувствовать голод. Тогда я встаю и иду к шкапику, где хранится у меня провизия. Я шарю там, но ничего не нахожу. Кусок сахара, и больше ничего.

В дверь кто-то стучит.

— Кто там?

Мне никто не отвечает. Я открываю дверь и вижу перед собой старуху, которая утром стояла на дворе с часами. Я очень удивлен и ничего не могу сказать.

— Вот я и пришла, — говорит старуха и входит в мою комнату.

Я стою у двери и не знаю, что мне делать: выгнать старуху или, наоборот, предложить ей сесть? Но старуха сама идет к моему креслу возле окна и садится в него.

— Закрой дверь и запири ее на ключ, — говорит мне старуха.

Я закрываю и запираю дверь.

— Встань на колени, — говорит старуха.

И я становлюсь на колени.

Но тут я начинаю понимать всю нелепость своего положения. Зачем я стою на коленях перед какой-то старухой? Да и почему эта старуха находится в моей комнате и сидит в моем любимом кресле? Почему я не выгнал эту старуху?

— Послушайте-ка, — говорю я, — какое право имеее вы распоряжаться в моей комнате, да еще командовать мной? Я вовсе не хочу стоять на коленях.

— И не надо, — говорит старуха, — теперь ты должен лечь на живот и уткнуться лицом в пол.

Я тотчас исполнил приказание.

Я вижу перед собой правильно начерченные квадраты. Боль в плече и правом бедре заставляет меня изменить положение. Я лежал ничком, теперь я с большим трудом поднимаюсь на колени. Все члены мои затекли и плохо сгибаются. Я оглядываюсь и вижу себя в своей комнате, стоящего на коленях посередине пола. Сознание и память медленно возвращаются ко мне. Я еще раз оглядываю комнату и вижу, что на кресле у окна будто сидит кто-то. В комнате не очень светло, потому что сейчас, должно быть, белая ночь. Я пристально вглядываюсь. Господи! Неужели эта старуха все еще сидит в моем кресле? Я вытягиваю шею и смотрю. Да, конечно, это сидит старуха и голову опустила на грудь. Должно быть, она уснула.

Я поднимаюсь и прихрамывая подхожу к ней. Голова старухи опущена на грудь, руки висят по бокам кресла. Мне хочется схватить эту старуху и вытолкать ее за дверь.

— Послушайте, — говорю я, — вы находитесь в моей комнате. Мне надо работать. Я прошу вас уйти.

Старуха не движется. Я нагибаюсь и заглядываю старухе в лицо. Рот у нее приоткрыт и изо рта торчит соскочившая вставная челюсть. И вдруг мне делается все ясно: старуха умерла.

Меня охватывает страшное чувство досады. Зачем она умерла в моей комнате? Я терпеть не могу покойников. А теперь возись с этой падалью, иди разговаривать с дворником и управдомом, объясняй им, почему эта старуха оказалась у меня. Я с ненавистью посмотрел на старуху. А может быть, она и не умерла? Я шупаю ее лоб. Лоб холодный. Рука тоже. Ну что мне делать?

Я закуриваю трубку и сажусь на кушетку. Безумная злость поднимается во мне.

— Вот сволочь! — говорю я вслух.

КАРТИН НЕ БУДЕТ

Мертвая старуха как мешок сидит в моем кресле. Зубы торчат у нее изо рта. Она похожа на мертвую лошадь.

— Противная картина, — говорю я, но закрыть старуху газетой не могу, потому что мало ли что может случиться под газетой.

За стеной слышно движение: это встает мой сосед, паровозный машинист. Еще того не хватало, чтобы он пронюхал, что у меня в комнате сидит мертвая старуха! Я прислушиваюсь к шагам соседа. Чего он медлит? Уже половина шестого! Ему давно пора уходить. Боже мой! Он собирается пить чай! Я слышу, как за стенкой шумит примус. Ах, поскорее ушел бы этот проклятый машинист!

Я забираюсь на кушетку с ногами и лежу. Проходит восемь минут, но чай у соседа еще не готов и примус шумит. Я закрываю глаза и дремлю.

Мне снится, что сосед ушел, и я, вместе с ним, выхожу на лестницу и захлопываю за собой дверь с французским замком. Ключа у меня нет, и я не могу попасть обратно в квартиру. Надо звонить и будить остальных жильцов, а это уж совсем плохо. Я стою на площадке лест-

ницы и думаю, что мне делать, и вдруг вижу, что у меня нет рук. Я наклоняю голову, чтобы лучше рассмотреть, есть ли у меня руки, и вижу, что с одной стороны у меня вместо руки торчит столовый ножик, а с другой стороны — вилка.

— Вот, — говорю я Сакердону Михайловичу, который сидит поче-
му-то тут же на складном стуле. — Вот видите, — говорю я ему, — какие у меня руки?

А Сакердон Михайлович сидит молча, и я вижу, что это не настоящий Сакердон Михайлович, а глиняный.

Тут я просыпаюсь и сразу же понимаю, что лежу у себя в комнате на кушетке, а у окна, в кресле, сидит мертвая старуха.

Я быстро поворачиваю к ней голову. Старухи в кресле нет. Я смотрю на пустое кресло, и дикая радость наполняет меня. Значит, это все был сон. Но только где же он начался? Входила ли старуха вчера в мою комнату? Может быть, это тоже был сон? Я вернулся вчера домой, потому что забыл выключить электрическую печку. Но, может быть, и это был сон? Во всяком случае, как хорошо, что у меня в комнате нет мертвой старухи и, значит, не надо идти к управдому и возиться с покойником!

Однако сколько же времени я спал? Я посмотрел на часы: половина десятого, должно быть, утра.

Господи! Чего только не приснится во сне!

Я опустил ноги с кушетки, собираясь встать, и вдруг увидел мертвую старуху, лежащую на полу за столом, возле кресла. Она лежала лицом вверх, и вставная челюсть, выскочив изо рта, впилась одним зубом старухе в ноздрю. Руки подвернулись под туловище, и их не было видно, а из-под задравшейся юбки торчали костлявые ноги в белых, грязных, шерстяных чулках.

— Сволочь! — крикнул я и, подбежав к старухе, ударил ее сапогом по подбородку.

Вставная челюсть отлетела в угол. Я хотел ударить старуху еще раз, но побоялся, чтобы на теле не остались знаки, а то еще потом решат, что это я убил ее.

Я отошел от старухи, сел на кушетку и закурил трубку. Так прошло минут двадцать. Теперь мне стало ясно, что все равно дело передадут в уголовный розыск и следственная бестолочь обвинит меня в убийстве. Положение, выходит, серьезное, а тут еще этот удар сапогом.

Я подошел опять к старухе, наклонился и стал рассматривать ее лицо. На подбородке было маленькое темное пятнышко. Нет, придраться нельзя. Мало ли что? Может быть, старуха еще при жизни стукнулась обо что-нибудь? Я немного успокаиваюсь и начинаю ходить

по комнате, куря трубку и обдумывая свое положение.

Я хожу по комнате и начинаю чувствовать голод все сильнее и сильнее. От голода я начинаю даже дрожать. Я еще раз шарю в шкапике, где хранится у меня провизия, но ничего не нахожу, кроме куска сахара.

Я вынимаю свой бумажник и считаю деньги. Одиннадцать рублей. Значит, я могу купить себе ветчинной колбасы и хлеб, и еще останется на табак.

Я поправляю сбившийся за ночь галстук, беру часы, надеваю куртку, выхожу в коридор, тщательно запираю дверь своей комнаты, кладу ключ себе в карман и выхожу на улицу. Надо раньше всего поесть, тогда мысли будут яснее и тогда я предприму что-нибудь с этой падалью.

По дороге в магазин мне приходит в голову: не зайти ли мне к Сакердону Михайловичу и не рассказать ли ему все, может быть, вместе мы скорее придумаем, что делать. Но я тут же отклоняю эту мысль, потому что некоторые вещи надо делать одному, без свидетелей.

В магазине не было ветчинной колбасы, и я купил себе полкило сарделек. Табака тоже не было. Из магазина я пошел в булочную.

В булочной было много народу, и к кассе стояла длинная очередь. Я сразу нахмурился, но все-таки в очередь стал. Очередь подвигалась очень медленно, а потом и вовсе остановилась, потому что у кассы произошел какой-то скандал.

Я делал вид, что ничего не замечаю, и смотрел в спину молоденькой дамочки, которая стояла в очереди передо мной. Дамочка была, видно, очень любопытной: она вытягивала шейку то вправо, то влево и поминутно становилась на цыпочки, чтобы лучше разглядеть, что происходит у кассы. Наконец она повернулась ко мне и спросила:

— Вы не знаете, что там происходит?

— Простите, не знаю, — сказал я как можно суше.

Дамочка повертелась в разные стороны и, наконец, опять обратилась ко мне:

— Вы не могли бы пойти и выяснить, что там происходит?

— Простите, меня это несколько не интересует, — сказал я еще суше.

— Как не интересует? — воскликнула дамочка. — Ведь вы же сами задерживаетесь из-за этого в очереди!

Я ничего не ответил и только слегка поклонился. Дамочка внимательно посмотрела на меня.

— Это, конечно, не мужское дело стоять в очередях за хлебом, — сказала она. — Мне жалко вас, вам приходится тут стоять. Вы, должны быть, холостой?

— Да, холостой! — ответил я, несколько сбитый с толку, но по инерции продолжая отвечать довольно сухо и при этом слегка кланяясь.

Дамочка еще раз осмотрела меня с головы до ног и вдруг, притронувшись пальцем к моему рукаву, сказала:

— Давайте я куплю, что вам нужно, а вы подождите меня на улице.

Я совершенно растерялся.

— Благодарю вас, — сказал я. — Это очень мило с вашей стороны, но, право, я мог бы и сам.

— Нет, нет, — сказала дамочка, — ступайте на улицу. Что вы собирались купить?

— Видите ли, — сказал я, — я собирался купить полкило черного хлеба, но только формового, того, который дешевле. Я его больше люблю.

— Ну, вот и хорошо, — сказала дамочка. — А теперь идите. Я куплю, а потом рассчитаюсь.

И она даже слегка подтолкнула меня под локоть.

Я вышел из булочной и встал у самой двери. Весеннее солнце светит мне прямо в лицо. Я закурываю трубку. Какая милая дамочка! Это теперь так редко. Я стою, жмурюсь от солнца, курю трубку и думаю о милой дамочке. Ведь у нее светлые карие глазки. Просто прелесть какая она хорошенькая!

— Вы курите трубку? — слышу я голос рядом с собой. Милая дамочка протягивает мне хлеб.

— О, бесконечно вам благодарен, — говорю я, беря хлеб.

— А вы курите трубку! Это мне страшно нравится, — говорит милая дамочка.

И между нами происходит следующий разговор:

Ока: Вы, значит, сами ходите за хлебом?

Я: Не только за хлебом; я себе все сам покупаю.

Она: А где же вы обедаете?

Я: Обыкновенно я сам варю себе обед. А иногда ем в пивной.

Она: Вы любите пиво?

Я: Нет, я больше люблю водку.

Она: Я тоже люблю водку.

Я: Вы любите водку? Как это хорошо! Я хотел бы когда-нибудь с вами выпить.

Она: И я тоже хотела бы выпить с вами водки.

Я: Простите, можно вас спросить об одной вещи?

Она (сильно покраснев): Конечно, спрашивайте.

Я: Хорошо, я спрошу вас. Вы верите в Бога?

Она (удивленно): В Бога? Да, конечно.

Я: А что вы скажете, если нам сейчас купить водку и пойти ко мне. Я живу тут рядом.

Она (задорно): Ну что ж, я согласна.

Я: Тогда идемте.

Мы заходим в магазин, и я покупаю поллитра водки. Больше у меня денет нет, какая-то только мелочь. Мы все время говорим о разных вещах, и вдруг я вспоминаю, что у меня в комнате, на полу, лежит мертвая старуха.

Я оглядываюсь на мою новую знакомую: она стоит у прилавка и рассматривает банки с вареньем. Я осторожно пробираюсь к двери и выхожу из магазина. Как раз, против магазина, останавливается трамвай. Я вскакиваю в трамвай, даже не посмотрев на его номер. На Михайловской улице я вылезаю и иду к Сакердону Михайловичу. У меня в руках бутылка с водкой, сардельки и хлеб.

Сакердон Михайлович сам открыл мне двери. Он был в халате, накинутом на голое тело, в русских сапогах с отрезанными голенищами и в меховой с наушниками шапке, но наушники были подняты и завязаны на макушке бантом.

— Очень рад, — сказал Сакердон Михайлович, увидя меня.

— Я не оторвал вас от работы? — спросил я.

— Нет, нет, — сказал Сакердон Михайлович. — Я ничего не делал, а просто сидел на полу.

— Видите ли, — сказал я Сакердону Михайловичу. — Я к вам пришел с водкой и закуской. Если вы ничего не имеете против, давайте выпьем.

— Очень хорошо, — сказал Сакердон Михайлович. — Вы входите.

Мы прошли в его комнату. Я откупорил бутылку с водкой, а Сакердон Михайлович поставил на стол две рюмки и тарелку с вареным мясом.

— Тут у меня сардельки, — сказал я. — Так, как мы будем их есть: сырыми или будем варить?

— Мы их поставим варить, — сказал Сакердон Михайлович, — а пока они варятся, мы будем пить водку под вареное мясо. Оно из супа, превосходное вареное мясо!

Сакердон Михайлович поставил на керосинку кастрюльку, и мы сели пить водку.

— Водку пить полезно, — говорил Сакердон Михайлович, наполняя рюмки. — Мечников писал, что водка полезнее хлеба, а хлеб это только солома, которая гниет в наших желудках.

— Ваше здоровье! — сказал я, чокаясь с Сакердоном Михайловичем.

Мы выпили и закусили холодным мясом.

— Вкусно, — сказал Сакердон Михайлович. Но в это мгновение в комнате что-то резко щелкнуло.

— Что это? — спросил я.

Мы сидели молча и прислушивались. Вдруг щелкнуло еще раз. Сакердон Михайлович вскочил со стула и, подбежав к окну, сорвал занавеску.

— Что вы делаете? — крикнул я.

Но Сакердон Михайлович, не отвечая мне, кинулся к керосинке, схватил занавеской кастрюльку и поставил ее на пол.

— Черт побери! — сказал Сакердон Михайлович. — Я забыл в кастрюльку налить воды, а кастрюлька эмалированная, и теперь эмаль отскочила.

— Все понятно, — сказал я, кивая головой.

Мы опять сели за стол.

— Черт с ними, — сказал Сакердон Михайлович, — мы будем есть сардельки сырыми.

— Я страшно есть хочу, — сказал я.

— Кушайте, — сказал Сакердон Михайлович, пододвигая мне сардельки.

— Ведь я последний раз ел вчера, с вами в подвальчике, и с тех пор ничего еще не ел, — сказал я.

— Да, да, да, — сказал Сакердон Михайлович.

— Я все время писал, — сказал я.

— Черт побери! — угрированно вскричал Сакердон Михайлович. — Приятно видеть перед собой гения.

— Еще бы! — сказал я.

— Много поди навалили? — спросил Сакердон Михайлович.

— Да, — сказал я, — исписал пропасть бумаги.

— За гения наших дней, — сказал Сакердон Михайлович, поднимая рюмку.

Мы выпили. Сакердон Михайлович ел вареное мясо, а я — сардельки. Съев четыре сардельки, я закурил трубку и сказал:

— Вы знаете, я ведь к вам пришел, спасаясь от преследования.

— Кто же вас преследовал? — спросил Сакердон Михайлович.

— Дама, — сказал я. Но так как Сакердон Михайлович ничего меня не спросил, а только молча налил в рюмки водку, то я продолжал:

— Я с ней познакомился в булочной и сразу влюбился.

— Хороша? — спросил Сакердон Михайлович.

— Да, — сказал я, — в моем вкусе.

Мы выпили, и я продолжал:

— Она согласилась идти ко мне пить водку. Мы зашли в магазин, но из магазина мне пришлось потихоньку удрать.

— Не хватило денег? — спросил Сакердон Михайлович.

— Нет, денег хватило в обрез, — сказал я, — но я вспомнил, что не могу пустить ее в свою комнату.

— Что же, у вас в комнате была другая дама? — спросил Сакердон Михайлович.

— Да, если хотите, у меня в комнате находится другая дама, — сказал я, улыбаясь. — Теперь я никого к себе в комнату не могу пустить.

— Женитесь. Будете приглашать меня к обеду, — сказал Сакердон Михайлович.

— Нет, — сказал я, фыркая от смеха. — На этой даме я не женюсь.

— Ну, тогда женитесь на той, которая из булочной, — сказал Сакердон Михайлович.

— Да что вы всё хотите меня женить? — сказал я.

— А что же? — сказал Сакердон Михайлович, наполняя рюмки. — За ваши успехи!

Мы выпили. Видно, водка начала оказывать на нас свое действие. Сакердон Михайлович снял свою меховую с наушниками шапку и швырнул ее на кровать.

Я встал и прошелся по комнате, ощущая уже некоторое головокружение.

— Как вы относитесь к покойникам? — спросил я Сакердона Михайловича.

— Совершенно отрицательно, — сказал Сакердон Михайлович. — Я их боюсь.

— Да, я тоже терпеть не могу покойников, — сказал я. — Подвернись мне покойник и не будь он мне родственником, я бы, должно быть, пнул бы его ногой.

— Не надо лягать мертвецов, — сказал Сакердон Михайлович.

— А я бы пнул его сапогом прямо в морду, — сказал я. — Терпеть не могу покойников и детей.

— Да, дети гадость, — согласился Сакердон Михайлович.

— А что, по-вашему, хуже: покойники или дети? — спросил я.

— Дети, пожалуй, хуже, они чаще мешают нам. А покойники все-таки не врываюся в нашу жизнь, — сказал Сакердон Михайлович.

— Врываюся! — крикнул я и сейчас же замолчал.

Сакердон Михайлович внимательно посмотрел на меня.

— Хотите еще водки? — спросил он.

— Нет, — сказал я, но, спохватившись, прибавил: — Нет, спасибо, я больше не хочу.

Я подошел и сел опять за стол. Некоторое время мы молчали.

— Я хочу спросить вас, — говорю я наконец. — Вы веруете в Бога?

У Сакердона Михайловича появляется на лбу поперечная морщина, и он говорит:

— Есть неприличные поступки. Неприлично спросить у человека пятьдесят рублей в долг, если вы видели, как он только что положил в карман двести. Его дело: дать вам деньги или отказать; и самый удобный и приятный способ отказа — это соврать, что денег нет. Вы же видели, что у того человека деньги есть, и, тем самым, лишили его возможности вам просто и приятно отказать. Вы лишили его права выбора, а это свинство. Это неприличный и бестактный поступок. И спросить человека: “Веруете ли вы в Бога?” — тоже поступок бестактный и неприличный.

— Ну, — сказал я, — тут уж нет ничего общего.

— А я и не сравниваю, — сказал Сакердон Михайлович.

— Ну, хорошо, — сказал я, — оставим это. Извините только меня, что я задал вам такой неприличный и бестактный вопрос.

— Пожалуйста, — сказал Сакердон Михайлович. — Ведь я просто отказался отвечать вам.

— Я бы тоже не ответил, — сказал я, — да только по другой причине.

— По какой же? —
вяло спросил Сакердон
Михайлович.

КАРТИН НЕ БУДЕТ

— Видите ли, — сказал я, — по-моему, нет верующих или неверующих людей. Есть только желающие верить и желающие не верить.

— Значит, те, что желают не верить, уже во что-то верят? — сказал Сакердон Михайлович. — А те, что желают верить, уже заранее не верят ни во что?

— Может быть, и так, — сказал я. — Не знаю.

— А верят или не верят во что? В Бога? — спросил Сакердон Михайлович.

— Нет, — сказал я, — в бессмертие.

— Тогда почему же вы спросили меня, верую ли я в Бога?

— Да просто потому, что спросить: верите ли вы в бессмертие? — звучит как-то глупо, — сказал я Сакердону Михайловичу и встал.

— Вы что, уходите? — спросил меня Сакердон Михайлович.

— Да, — сказал я, — мне пора.

— А что же водка? — сказал Сакердон Михайлович. — Ведь и остальное-то всего по рюмке.

— Ну, давайте допьем, — сказал я.

Мы допили водку и закусили остатками вареного мяса.

— А теперь я должен идти, — сказал я.

— До свидания, — сказал Сакердон Михайлович, провожая меня через кухню на лестницу. — Спасибо за угощение.

— Спасибо вам, — сказал я, — до свидания.

И я ушел.

Оставшись один, Сакердон Михайлович убрал со стола, закинул на шкаф пустую водочную бутылку, надел опять на голову свою меховую с наушниками шапку и сел под окном на пол. Руки Сакердон Михайлович заложил за спину, и их не было видно. А из-под задравшегося халата торчали голые костлявые ноги, обутые в русские сапоги с оторванными голенищами.

Я шел по Невскому, погруженный в свои мысли. Мне надо сейчас же пройти к управдому и рассказать ему все. А разделившись со старухой, я буду целые дни стоять около булочной, пока не встречу ту милую дамочку. Ведь я остался ей должен за хлеб 48 коп. У меня есть прекрасный предлог ее разыскивать. Выпитая водка продолжала еще действовать, и казалось, что все складывается очень хорошо и просто.

На Фонтанке я подошел к ларьку и на оставшуюся мелочь выпил большую кружку хлебного кваса. Квас был плохой и кислый, и я пошел дальше с мерзким вкусом во рту.

На углу Литейной какой-то пьяный, пошатнувшись, толкнул меня. Хорошо, что у меня нет револьвера: я убил бы его тут же на месте.

До самого дома я шел, должно быть, с искаженным от злости лицом. Во всяком случае, почти все встречные оборачивались на меня.

Я вошел в домовую контору. На столе сидела низкорослая, грязная, курносая, кривая и белобрысая девка и, глядясь в ручное зеркальце, мазала себе помадой губы.

— А где же управдом? — спросил я.

Девка молчала, продолжая мазать губы.

— Где управдом? — повторил я резким голосом.

— Завтра будет, не сегодня, — отвечала грязная, курносая, кривая и белобрысая девка.

Я вышел на улицу. По противоположной стороне шел инвалид на механической ноге и громко стучал своей ногой и палкой. Шесть мальчишек бежало за инвалидом, передразнивая его походку.

Я завернул в свою парадную и стал подниматься по лестнице. На втором этаже я остановился; противная мысль пришла мне в голову: ведь старуха должна начать разлагаться. Я не закрыл окна, а говорят, что при открытом окне покойники разлагаются быстрее. Вот ведь глупость какая! И этот чертов управдом будет только завтра! Я постоял в нерешительности несколько минут и стал подниматься дальше.

Около двери в свою квартиру я опять остановился. Может быть, пойти к булочной и ждать там ту милую дамочку? Я бы стал умолять ее пустить меня к себе на две или три ночи. Но тут я вспоминаю, что

сегодня она уже купила хлеб и, значит, в булочную не придет. Да и вообще из этого ничего бы не вышло.

Я отпер дверь и вошел в коридор. В конце коридора горел свет, и Марье Васильевна, держа в руках какую-то тряпку, терла по ней другой тряпкой. Увидя меня, Марья Васильевна крикнула:

— Ваш шпрашивал какой-то штарик!

— Какой старик? — сказал я.

— Не жнаю, — отвечала Марья Васильевна.

— Когда это было? — спросил я.

— Тоже не жнаю, — сказала Марья Васильевна.

— Вы разговаривали со стариком? — спросил я Марью Васильевну.

— Я, — отвечала Марья Васильевна.

— Так как же вы не знаете, когда это было? — сказал я.

— Чиша два тому назад, — сказала Марья Васильевна.

— А как этот старик выглядел? — спросил я.

— Тоже не жнаю, — сказала Марья Васильевна и ушла на кухню.

Я пошел к своей комнате.

"Вдруг, — подумал я, — старуха исчезла. Я войду в комнату, а старухи-то и нет. Боже мой! Неужели чудес не бывает?!"

Я отпер дверь и начал ее медленно открывать. Может быть, это только показалось, но мне в лицо пахнул приторный запах начавшегося разложения. Я заглянул в приотворенную дверь и на мгновение застыл на месте. Старуха на четвереньках медленно ползла ко мне навстречу.

Я с криком захлопнул дверь, повернул ключ и отскочил к противоположной стенке.

В коридоре появилась Марья Васильевна.

— Вы меня жвали? — спросила она.

Меня так трясло, что я ничего не мог ответить и только отрицательно замотал головой. Марья Васильевна подошла поближе.

— Вы ш кем-то ражговаривали, — сказала она.

Я опять отрицательно замотал головой.

— Шумашедший, — сказала Марья Васильевна и опять ушла на кухню, несколько раз, по дороге, оглянувшись на меня.

Так стоять нельзя. Так стоять нельзя, — повторил я мысленно. Эта фраза сама собой сложилась где-то внутри меня. Я твердил ее до тех пор, пока она не дошла до моего сознания.

— Да, так стоять нельзя, — сказал я себе, но продолжал стоять как парализованный. Случилось что-то ужасное, но предстояло сделать что-то, может быть, еще более ужасное, чем то, что уже произошло. Вихрь кружил мои мысли, и я только видел злобные глаза мертвой старухи, медленно ползущей ко мне на четвереньках.

Ворваться в комнату и раздробить этой старухе череп. Вот что надо сделать! Я даже поискал глазами и остался доволен, увидя крокетный молоток, неизвестно для чего уже в продолжение многих лет стоящий в углу коридора. Схватить молоток, ворваться в комнату и трах!..

Озноб еще не прошел. Я стоял с поднятыми плечами от внутреннего холода. Мысли мои скакали, путались, возвращались к исходному пункту и вновь скакали, захватывая новые области, а я стоял и прислушивался к своим мыслям, и был как бы в стороне от них, и был как бы не их командир.

Покойники, — объясняли мне мои собственные мысли, — народ неважный. Их зря называют *покойники*, они скорее *беспокойники*. За ними надо следить и следить. Спросите любого сторожа из мертвецкой. Вы думаете, он для чего поставлен там? Только для одного: следить, чтобы покойники не расползались. Бывают, в этом смысле, забавные случаи. Один покойник, пока сторож по приказанию начальства мылся в бане, выполз из мертвецкой, заполз в дезинфекционную камеру и съел там кучу белья. Дезинфекторы здорово отлупцевали этого покойника, но за испорченное белье им пришлось рассчитываться из своих собственных карманов. А другой покойник заполз в палату рожениц и так перепутал их, что одна роженица тут же произвела преждевременный выкидыш, а покойник набросился на выкинутый плод и начал его, чавкая, пожирать. А когда одна храбрая сиделка ударила покойника по спине табуреткой, то он укусил эту сиделку за ногу, и она вскоре умерла от заражения трупным ядом. Да, покойники народ неважный, и с ними надо быть начеку.

— Стоп! — сказал я своим собственным мыслям. — Вы говорите чушь. Покойники неподвижны.

— Хорошо, — сказали мне мои собственные мысли, — войди тогда в свою комнату, где находится, как ты говоришь, неподвижный покойник.

Неожиданное упрямство заговорило во мне.

— И войду! — сказал я решительно своим собственным мыслям.

— Попробуй! — насмешливо сказали мне мои собственные мысли. Эта насмешливость окончательно взбесила меня. Я схватил крокетный молоток и кинулся к двери.

— Подожди! — закричали мне мои собственные мысли. Но я уже повернул ключ и распахнул дверь.

Старуха лежала у порога, уткнувшись лицом в пол. С поднятым крокетным молотком я стоял наготове. Старуха не шевелилась.

Озноб прошел, и мысли мои текли ясно и четко. Я был командиром их.

— Раньше всего — закрыть дверь! — скомандовал я сам себе.

Я вынул ключ с наружной стороны двери и вставил его с внутренней. Я сделал это левой рукой, а в правой я держал крокетный молоток и все время не спускал со старухи глаз. Я запер дверь на ключ и, осторожно переступив через старуху, вышел на середину комнаты.

— Теперь мы с тобой рассчитаемся, — сказал я. У меня возник план, к которому обыкновенно прибегают убийцы из уголовных романов и газетных происшествий; я просто хотел запрятать старуху в чемодан, отвезти ее за город и спустить в болото. Я знал одно такое место.

Чемодан стоял у меня под кушеткой. Я вытащил его и открыл. В нем находились кое-какие вещи: несколько книг, старая фетровая шляпа и рваное белье. Я выложил все это на кушетку.

В это время громко хлопнула наружная дверь, и мне показалось, что старуха вздрогнула.

Я моментально вскочил и схватил крокетный молоток.

Старуха лежит спокойно. Я стою и прислушиваюсь. Это вернулся машинист, я слышу, как он ходит у себя по комнате. Вот он идет по коридору на кухню. Если Марья Васильевна расскажет ему о моем сумасшествии, это будет нехорошо. Чертовщина какая! Надо и мне пройти на кухню и своим видом успокоить их.

Я опять перешагнул через старуху, поставил молоток возле самой двери, чтобы, вернувшись обратно, я бы мог, не входя еще в комнату, иметь молоток в руках, и вышел в коридор. Из кухни неслись голоса, но слов не было слышно. Я прикрыл за собой дверь в свою комнату и осторожно пошел на кухню: мне хотелось узнать, о чем говорит Марья Васильевна с машинистом. Коридор я прошел быстро, а около кухни замедлил шаги. Говорил машинист, по-видимому, он рассказывал что-то случившееся с ним на работе.

Я вошел. Машинист стоял с полотенцем в руках и говорил, а Марья Васильевна сидела на табурете и слушала. Увидя меня, машинист махнул мне рукой.

— Здравствуйте, здравствуйте, Матвей Филиппович, — сказал я ему и прошел в ванную комнату. Пока все было спокойно. Марья Васильевна привыкла к моим странностям и этот последний случай могла уже и забыть.

Вдруг меня осенило: я не запер дверь. А что, если старуха выползет из комнаты?

Я кинулся обратно, но вовремя спохватился и, чтобы не испугать жильцов, прошел через кухню спокойными шагами.

Марья Васильевна стучала пальцем по кухонному столу и говорила машинисту:

— Ждорово! Вот это ждорово! Я бы тоже швиштела!

С замирающим сердцем я вышел в коридор и тут уже чуть не бегом пустился к своей комнате.

Снаружи все было спокойно. Я подошел к двери и, приотворив ее, заглянул в комнату. Старуха по-прежнему спокойно лежала, уткнувшись лицом в пол. Крокетный молоток стоял у двери на прежнем месте. Я взял его, вошел в комнату и запер за собой дверь на ключ. Да, в комнате определенно пахло трупом. Я перешагнул через старуху, подошел к окну и сел в кресло. Только бы мне не стало дурно от этого пока еще хоть и слабого, но все-таки уже нестерпимого запаха. Я закурил трубку. Меня подташнивало, и немного болел живот.

Ну что же я так сижу? Надо действовать скорее, пока эта старуха окончательно не протухла. Но, во всяком случае, в чемодан ее надо запихивать осторожно, потому что как раз тут-то она и может тяпнуть меня за палец. А потом умирать от трупного заражения — благодарю покорно!

— Эге! — воскликнул я вдруг. — А интересуюсь я: чем вы меня укусите? Зубки-то ваши вон где!

Я перегнулся в кресле и посмотрел в угол по ту сторону окна, где, по моим расчетам, должна была находиться вставная челюсть старухи. Но челюсти там не было.

Я задумался: может быть, мертвая старуха ползала у меня по комнате, ища свои зубы? Может быть, даже нашла их и вставила себе обратно в рот?

Я взял крокетный молоток и пошарил им в углу. Нет, челюсть пропала. Тогда я вынул из комода толстую байковую простыню и подошел к старухе. Крокетный молоток я держал наготове в правой руке, а в левой я держал байковую простыню.

Брезгливый страх к себе вызывала эта мертвая старуха. Я приподнял молотком ее голову: рот был открыт, глаза закатились вверх, а по всему подбородку, куда я ударил ее сапогом, расплзлось большое темное пятно. Я заглянул старухе в рот, нет, она не нашла свою челюсть. Я отпустил голову. Голова упала и стукнулась об пол.

Тогда я расстелил по полу байковую простыню и подтянул ее к самой старухе. Потом ногой и крокетным молотком я перевернул старуху через левый бок на спину. Теперь она лежала на простыне. Ноги старухи были согнуты в коленях, а кулаки прижаты к плечам. Казалось, что старуха, лежа на спине, как кошка, собирается защищаться от нападающего на нее орла. Скорее, прочь эту падаль!

Я закатал старуху в толстую простыню и поднял ее на руки. Она оказалась легче, чем я думал. Я опустил ее в чемодан и попробовал закрыть крышкой. Тут я ожидал всяких трудностей, но крышка сравнительно легко закрылась. Я щелкнул чемоданными замками и выпрямился.

Чемодан стоит передо мной, с виду вполне благопристойный, как будто в нем лежит белье и книги. Я взял его за ручку и попробовал поднять. Да, он был, конечно, тяжел, но не чрезмерно, я мог вполне донести его до трамвая.

Я посмотрел на часы: двадцать минут шестого. Это хорошо. Я сел в кресло, чтобы немного передохнуть и выкурить трубку.

Видно, сардельки, которые я ел сегодня, были не очень хороши, потому что живот мой болел все сильнее. А может быть, это потому, что я ел их сырыми? А может быть, боль в животе была и чисто нервной.

Я сижу и курю. И минуты бегут за минутами.

Весеннее солнце светит в окно, и я жмурюсь от его лучей. Вот оно прячется за трубу противостоящего дома, и тень от трубы бежит по крыше, перелетает улицу и ложится мне на лицо. Я вспоминаю, как вчера в это же время я сидел и писал повесть. Вот она: клетчатая бумага, и на ней надпись, сделанная мелким почерком: "Чудотворец был высокого роста".

Я посмотрел в окно. По улице шел инвалид на механической ноге и громко стучал своей ногой и палкой. Двое рабочих и с ними старуха, держась за бока, хохотали над смешной походкой инвалида.

Я встал. Пора! Пора в путь! Пора отвозить старуху на болото! Мне нужно еще занять деньги у машиниста.

Я вышел в коридор и подошел к его двери.

— Матвей Филиппович, вы дома? — спросил я.

— Дома, — ответил машинист.

— Тогда, извините, Матвей Филиппович, вы не богаты деньгами? Я послезавтра получу. Не могли бы вы мне одолжить тридцать рублей?

— Мог бы, — сказал машинист. И я слышал, как он звякал ключами, отпирая какой-то ящик. Потом он открыл дверь и протянул мне новую красную тридцатирублевку.

— Большое спасибо, Матвей Филиппович, — сказал я.

— Не стоит, не стоит, — сказал машинист.

Я сунул деньги в карман и вернулся в свою комнату. Чемодан спокойно стоял на прежнем месте.

— Ну, теперь в путь, без промедления, — сказал я сам себе. Я взял чемодан и вышел из комнаты.

Марья Васильевна увидела меня с чемоданом и крикнула:

— Куда вы?

— К тетке, — сказал я.

— Шкоро приедете? — спросила Марья Васильевна.

— Да, — сказал я. — Мне нужно только отвезти к тетке кое-какое белье. А приеду, может быть, и сегодня.

Я вышел на улицу. До трамвая я дошел благополучно, неся чемодан то в правой, то в левой руке.

В трамвай я влез с передней площадки прицепного вагона и стал махать кондукторше, чтобы она пришла получить за багаж и билет. Я не хотел передавать единственную тридцатирублевку через весь вагон и не решался оставить чемодан и сам пройти к кондукторше. Кондукторша пришла ко мне на площадку и заявила, что у нее нет сдачи. На первой же остановке мне пришлось слезть.

Я стоял злой и ждал следующего трамвая. У меня болел живот и слегка дрожали ноги.

И вдруг я увидел мою милую дамочку: она переходила улицу и не смотрела в мою сторону.

Я схватил чемодан и кинулся за ней. Я не знал, как ее зовут, и не мог ее окликнуть. Чемодан страшно мешал мне: я держал его перед собой двумя руками и подталкивал его коленями и животом. Милая дамочка шла довольно быстро, и я чувствовал, что мне ее не догнать. Я был весь мокрый от пота и выбивался из сил. Милая дамочка повернула в переулок. Когда я добрался до угла — ее нигде не было.

— Проклятая старуха! — прошипел я, бросая чемодан на землю. Рукава моей куртки насквозь промокли от пота и липли к рукам.

Я сел на чемодан и, вынув носовой платок, вытер им шею и лицо. Двое мальчишек остановились передо мной и стали меня рассматривать. Я сделал спокойное лицо и пристально смотрел на ближайшую подворотню, как бы поджидая кого-то. Мальчишки шептались и показывали на меня пальцами. Дикая злоба душила меня. Ах, напустить бы на них столбняк!

И вот, из-за этих паршивых мальчишек, я встаю, поднимая чемодан, подхожу с ним к подворотне и заглядываю туда. Я делаю удивленное лицо, достаю часы и пожимаю плечами. Мальчишки издали наблюдают за мной. Я еще раз пожимаю плечами и заглядываю в подворотню.

— Странно, — говорю я вслух, беру чемодан и тащу его к трамвайной остановке.

На вокзал я приехал без пяти минут семь. Я беру обратный билет до Лисьего Носа и сажусь в поезд.

В вагоне кроме меня еще двое. Один, как видно, рабочий, он устал и, надвинув кепку на глаза, спит. Другой, еще молодой парень, одет деревенским франтом: под пиджаком у него розовая косоворотка, а из-под кепки торчит курчавый кок. Он курит папироску, всунутую в ярко-зеленый мундштук из пластмассы.

Я ставлю чемодан между скамейками и сажусь. В животе у меня такие рези, что я сжимаю кулаки, чтобы не застонать от боли.

По платформе два милиционера ведут какого-то гражданина в пикет. Он идет, заложив руки за спину и опустив голову.

Поезд трогается. Я смотрю на часы: десять минут восьмого.

О, с каким удовольствием спущу я эту старуху в болото! Жаль только, что я не захватил с собой палку, должно быть, старуху придется подталкивать.

Франт в розовой косоворотке нахально разглядывает меня. Я поворачиваюсь к нему спиной и смотрю в окно.

В моем животе происходят ужасные схватки; тогда я стискиваю зубы, сжимаю кулаки и напрягаю ноги.

Мы проезжаем Ланскую и Новую Деревню. Вон мелькает золотая верхушка Буддийской пагоды, а вон показалось море.

Но тут я вскакиваю и, забыв все вокруг, мелкими шажками бегу в уборную. Безумная волна качает и вертит мое сознание...

Поезд замедляет ход. Мы подъезжаем к Лахте. Я сижу, боясь пошевелиться, чтобы меня не выгнали на остановке из уборной.

— Скорей бы он трогался! Скорей бы он трогался!

Поезд трогается, и я закрываю глаза от наслаждения. О, эти минуты бывают столь же сладки, как мгновения любви! Все силы мои напряжены, но я знаю, что за этим последует страшный упадок.

**КАРТИН НЕ
БУДЕТ**

Поезд опять останавливается. Это Ольгино. Значит, опять эта пытка!

Но теперь это ложные позывы. Холодный пот выступает у меня на лбу, и легкий холодок порхает вокруг моего сердца. Я поднимаюсь и некоторое время стою, прижавшись головой к стене. Поезд идет, и покачивание вагона мне очень приятно.

Я собираю все свои силы и пошатываясь выхожу из уборной.

В вагоне нет никого. Рабочий и франт в розовой косоворотке, видно, слезли в Лахте или в Ольгино. Я медленно иду к своему окошку.

И вдруг я останавливаюсь и тупо гляжу перед собой. Чемодана, там где я его оставил, нет. Должно быть, я ошибся окном. Я прыгаю к следующему окошку. Чемодана нет. Я прыгаю назад, вперед, я пробегаю вагон в обе стороны, заглядываю под скамейки, но чемодана нигде нет.

Да разве можно тут сомневаться? Конечно, пока я был в уборной, чемодан украли. Это можно было предвидеть!

Я сижу на скамейке с вытаращенными глазами, и мне почему-то вспоминается, как у Сакердона Михайловича с треском отскакивала эмаль от раскаленной кастрюльки.

— Что же случилось? — спрашиваю я сам себя. — Ну, кто теперь поверит, что я не убивал старухи? Меня сегодня же схватят, тут

или в городе на вокзале, как того гражданина, который шел опустив голову.

Я выхожу на площадку вагона. Поезд подходит к Лисьему Носу. Мелькают белые столбики, ограждающие дорогу. Поезд останавливается. Ступеньки моего вагона не доходят до земли. Я соскакиваю и иду к станционному павильону. До поезда, идущего в город, еще полчаса.

Я иду в лесок. Вот кустики можжевельника, за ними меня никто не увидит. Я направляюсь туда.

По земле ползет большая зеленая гусеница. Я опускаюсь на колени и трогаю ее пальцами. Она сильно и жилисто складывается несколько раз в одну и в другую сторону.

Я оглядываюсь. Никто меня не видит. Легкий трепет бежит по моей спине.

Я низко склоняю голову и негромко говорю:

—Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь

На этом я временно заканчиваю свою рукопись, считая, что она и так уже достаточно затянулась.

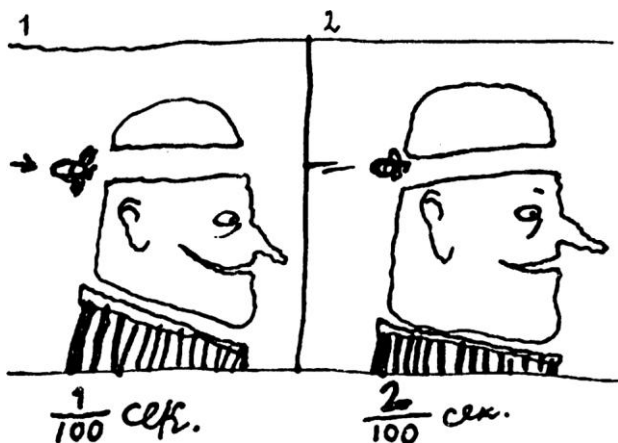
КОНЕЦ

мая и первая
половина июня 1939 года

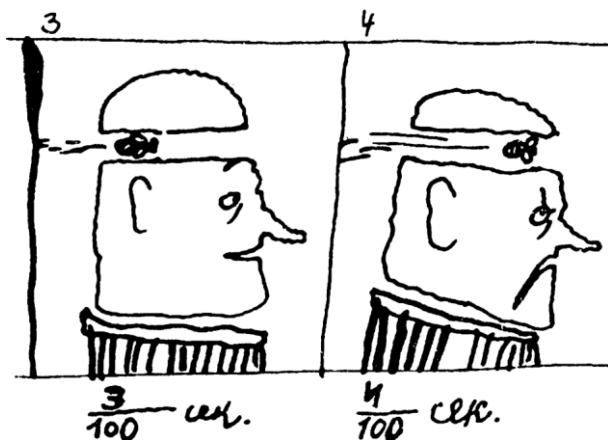
СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий Александров “Правдивый писатель абсурда”	5
“Одна муха ударила в лоб...”	21
Вещь.....	25
“Однажды Андрей Васильевич...”	29
“Иван Яковлевич Бобов проснулся ...”	31
“Андрей Семенович плюнул в чашку с водой...”	34
О равновесии	37
Карьера Ивана Яковлевича Антонова	38
Рыцарь	39
Праздник	43
Неожиданная попойка	44
Судьба жены профессора	47
Кассирша.....	49
Отец и дочь	52
Новые альпинисты	54
Пасскалия № 1	55
Грязная личность	56

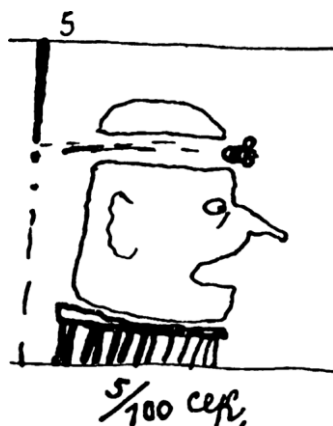

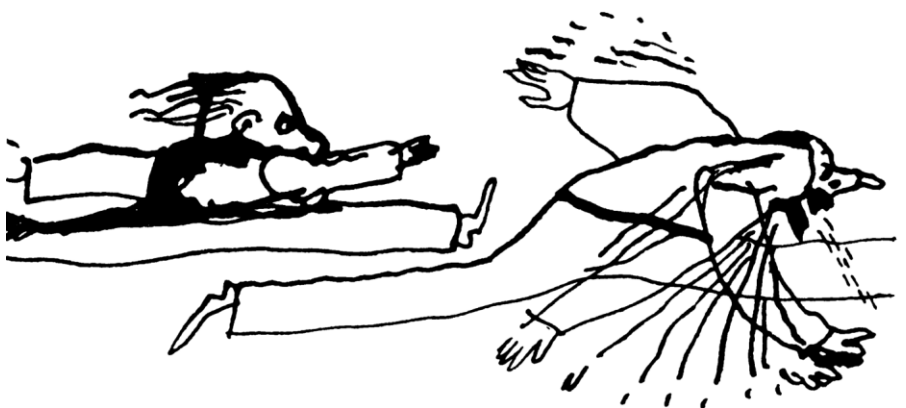
СЛУЧАИ

(1) Голубая тетрадь № 10	58
(2) Случаи	58
(3) Вываливающиеся старухи	59
(4) Сонет	60
(5) Петров и Камаров	60
(6) Оптический обман	61
(7) Пушкин и Гоголь	62
(8) Столяр Кушаков	63
(9) Сундук	64
(10) Случай с Петраковым	65
(11) История дерущихся	66
(12) Сон	67
(13) Математик и Андрей Семенович	68
(14) Молодой человек, удививший сторожа	70
(15) Четыре иллюстрации того, как новая идея огорашивает человека, к ней не подготовленного	71
(16) Потери	72
(17) Макаров и Петерсен (3)	73
(18) Суд Линча	74
(19) Встреча	74
(20) Неудачный спектакль	75

(21) Тюк!	76
(22) Что теперь продают в магазинах.....	77
(23) Машкин убил Кошкина	78
(24) Сон дразнит человека.....	80
(25) Охотники.....	80
(26) Исторический эпизод.....	82
(27) Федя Давидович.....	84
(28) Анекдоты из жизни Пушкина.....	86
(29) Начало очень хорошего летнего дня	90
(30) Пакин и Ракукин	90
Новый талантливый писатель.....	93
Воспоминания одного мудрого старика	94
“Господин невысокого роста с камушком в глазу...”	98
Лекция	100
Упадение	102
Власть	103
Помеха	106
Победа Мышина	109
Реабилитация.....	112
Симфония № 2	113
Старуха (повесть)	115

Хармс Д.

Проза.— 1990. 128 с; ил.

Даниил Хармс — Даниил Иванович Ювачев [1905-1942] — поэт, прозаик, драматург. В настоящее издание вошли лучшие прозаические произведения Д. Хармса, признанного сейчас классиком русской литературы абсурда. Все они написаны в духе “фантастического реализма”. В таком составе проза Хармса издается впервые.

Литературно-художественное издание
Даниил Иванович Хармс

ПРОЗА

Художник С. Остров
Составитель А.Александров
Редактор В. Грубин
Корректор О.Назарова
Технический редактор Е.Гвоздев

Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Усл. п. л. 6,5 Печ. л 4,5.

Уч. изд. л. 7,2 Тираж 100 000.

Отпечатано в типографии № 1. № заказа 4886.

Цена 4,20 (в пределах Эстонии)

ТЦ МШК МАДПР

Кооператив «Велес». 197198, Ленинград. Мытнинский пер. 10

Электронный набор текста выполнен

МТЦ «универсал» ЛСПО имени Я. М. Свердлова

